

СИБИРСКИЙ ФОРУМ

2011 | декабрь
интеллектуальный
диалог

«ЕСТЬ МНЕНИЕ»: ДОСТОВЕРНОЕ И СПОРНОЕ в общественном сознании ● стр. 2-16

ГДЕ ВОДИТСЯ ХОРОШАЯ ВОДИЦА

Ольга Морозова: ● стр. 3

«Вода – конечная инстанция всех загрязнений. Всё, что появилось в атмосфере и почве, рано или поздно будет обнаружено и в воде. Поэтому когда мы говорим о загрязнении воды, мы говорим о глобальном загрязнении планеты».

ОБЩИЕ – ЗНАЧИТ НИЧЬИ

Николай Щербаков: ● стр. 4

«В детском доме нет возможности установить привязанность, хотя у всех детей есть такая потребность. Условия не позволяют воспитателю работать в этом направлении. Ему бы успеть накормить детей, одеть, проверить уроки. Это обкрадывает эмоциональную составляющую личности ребёнка».

СЕВЕРНАЯ СТРАТЕГИЯ

Владимир Катцов: ● стр. 6

«Наша страна теплеет быстрее, чем планета в среднем, поскольку высокие широты в Северном полушарии – это самая быстротеплющая часть Земли. Арктика – один из важнейших приоритетов российской науки во всех отношениях».

КУЛЬТУРА ЗДЕСЬ

Мария Воронова: ● стр. 11

«Сибиряки сами поддерживают мифы о своей провинциальности и о райской жизни в столичных городах. Хотя, мне кажется, в последнее время эта тенденция угасает. Становится больше успешных людей, не стремящихся уехать в Москву, «потому что там априори лучше».

РАКОВЫЙ КОРПУС

Андрей Модестов: ● стр. 12

«Врачи должны уметь убеждать. Нас ещё со студенческой скамьи учили сначала исключить рак, а уж потом искать другие болячки. Онконастороженность должна быть у каждого доктора, независимо от специальности».

«Я была поражена, узнав, что некоторые западные коллеги уверены, будто русские на самом деле могут считать себя азиатами. Меня удивило и то, что многие западные учёные в области общественных наук не видят культурного разнообразия российского общества и его европейских корней, не понимают его сложной идентичности».

«Россия – это общество поселенцев, как Соединённые Штаты, Мексика, Бразилия. И страдает она от тех же недугов...».

Российский и итальянский социологи о Сибири и идее «пограничного общества»

Есть устойчивые представления в обществе, которые разделяют почти все. Например, что здоровых людей сейчас практически нет. Что молодёжь не хочет жить в России. Что «раньше учили лучше». Что политика — грязное дело.

Как формируется убежденность в том или ином — непонятно. Возможно, по формуле Толстого: «Если человека сто раз назвать свиньёй, то на сто первый он захрюкает». То есть мнения, неоднократно повторяемые на разных уровнях и по разным каналам, мы усваиваем порой даже незаметно для себя. Иногда это оправдано. Но чаще, если заглянуть вглубь, любое явление окажется сложнее

и неоднозначнее, чем при поверхностном суждении. Вот, говорят, учителя стали жить лучше. Детские дома — так просто завалили государственным финансированием. А транспортной проблеме уделяется столько внимания, что её вот-вот решат. Так ли всё это?

Сегодня мы решили разобраться с доказательной базой некоторых наших убеждений и, возможно, изменить их. В том числе и по поводу того, что «есть устойчивые представления». Как показывают исследования социологов, прямо противоположные оценки почти всегда имеют равное количество приверженцев.

И это всё о нас

Делать выводы об общественном мнении по тому или иному вопросу на основании, что так кажется лично нам, конечно, нельзя. Для этого и существуют социологические опросы. Причём проводимый социологами срез, исследуемые ими проблемы порой изумляют своей всеохватностью и дотошностью.

Открываем изданный в 2011-м ежегодник Левада-центра, двенадцатый по счёту, где собраны результаты всех опросов, осуществлённых в предыдущем году. Практически нет темы или резонансного события, по поводу которых не изучалось бы общественное мнение.

Это и выборы-2012, и вступление России в ВТО, и даже предложение ЛДПР (о котором мало кто из респондентов слышал) — давать освобождение от армии в случае внесения в казну государства 1 млн рублей. А также: катастрофа под Катынью, снятие Лужкова, «синие ведёрки», Химкинский лес... И проч., проч.

Формулировки — острые, подчас провокационные: «Как вы считаете, использование силовых методов для разгона митингов и демонстраций оппозиции свидетельствует об уверенности и силе нынешнего руководства страны или о его неуверенности и слабости?».

И каждый опрос даёт пищу для размышления. А общих выводов после знакомства с тотальным социологическим срезом, пожалуй, несколько.

>> Люди в целом не могут видеть тех небольших изменений, которые происходят в стране. Скажем, начиная с 1989 года большинство не видит улучшений в образовании, здравоохранении. Хотя они реально есть!

>> По многим вопросам мнения в обществе — полярно расходятся. Видимо, это говорит всё-таки не о плюрализме (какое забытое слово!), а о расколе.

>> Наши люди — по-прежнему непоследовательны или противоречивы. Допустим, преобладающее суждение — что за время руководства В. Путина происходило дальнейшее разделение населения страны на богатых и бедных, что оценивается отрицательно. При этом к самому правлению Путина либо нет претензий, либо даются самые высокие оценки.

>> Степень недоверия к власти просто зашкаливает: с утверждением, что чиновники фактически не подчиняются законам, согласно больше 80% опрошенных! И мало кто верит, что сможет отстоять свои права, если они будут нарушены.

>> Уровень запросов населения достаточно скромный: половина хотела бы просто жить не хуже окружающих людей, а ещё у четверти задача — просто выжить.

Современные притчи

Припомните, как часто вы сами выносили примерно такие заключения: «народ испортился», «никому нельзя верить», «богатым всё мало», «кроме денег, никому ничего не нужно». Но ведь бывает, что мы встречаемся с ситуациями, прямо опровергающими эти житейские истины. Возможно, такие примеры — лишь исключения, но именно они подвигли нашего автора Анну МЕРЗЛЯКОВУ на написание текста, основной посыл которого: граждане, разуйте глаза...

Чёрствость людская

На разные местные сайты Дина заглядывала не так чтобы часто, но раз в неделю точно. Посмотреть, о чём в городе говорят, найти в обсуждениях знакомых, приятно удивиться или покачать головой: «Во дадут...».

Сегодня почему-то первым делом открыла «Красмamu» — и сразу увидела новую тему: помогают молодой женщине с грудным ребёнком. Дина пробежала глазами, что пишут. Бывшая детдомовка. Смогла получить гостинку. В этой же комнате её младший брат. Из мебели — одна детская кроватка, сами спят на полу. Все трое живут на пособие в 2 тысячи.

С фотографии на неё смотрел какой-то призрак. Даже не скажешь, что эта девчушка — уже сама мама, и ей 22 года. Худенькая, прозрачная, какая-то покорная.

Дина отодвинула ноутбук: надо сварить себе кофе. Но на кухне, открыв шкаф, вдруг стала вынимать из него крупы, сахар, печенье. Быстро накрывала сумку. Лицо с фотографии стояло перед глазами. Дина вернулась к компьютеру: ага, есть адрес. Относительно недалеко, полчаса езды. На сердце вернулось спокойствие. Теперь можно и кофе выпить.

Русские ленивы

Санька любил в конце дня посидеть на крыльце своего дома. «На крыльце», да и «дома», конечно, сильно сказано. Дом ещё только строился. Санька с начала лета нанял таджиков, но каждую свободную минуту и сам проводил здесь. Протягивал провода, бурил скважину, рыл котлован, с наслаждением мазал плиты битумом, резал трубы болгаркой, строгал доски... Жена, Лена, его практически не видела, если только сама с малышом не приезжала на стройку, ловила его здесь. Перешагивала через шпалы, через рулоны проволоки, осматривалась по сторонам. Вопросов не задавала, но в глазах загорался весёлый огонёк, и Санька знал: ей нравится их будущий дом, а ещё больше ей нравится он, Санька, хоть он и забросил семью за последнее время. Впрочем, нет — Алёнку, 5-летнюю дочку (их было две у него — Елены Прекрасных, ему так захотелось), он брал с собой часто. Купил ей сюда квадроцикл, завёл щенка, и Алёнка готова была проводить на участке всё время. Вся окружающая детвора, впрочем, тоже. «Ну что, девчонки, надуть вам бассейн?» — спрашивал он. И наддувал. А ещё завозил гору песка. Присматривал место, где поставить качели. И понимал, что

Согласны ли вы с утверждением, что многие государственные чиновники сегодня практически не подчиняются законам?

	2008	2010
Определённо да	31	35
Скорее да	46	47
Скорее нет	13	9
Определённо нет	4	3
Затрудняюсь ответить	7	6

Как вы считаете, можете ли вы отстоять в России свои интересы или права в случае их нарушения?

	2008	2009	2010
Определённо да	3	2	3
Скорее да	22	21	22
Скорее нет	37	41	38
Определённо нет	25	22	23
Затруднились ответить	13	15	14

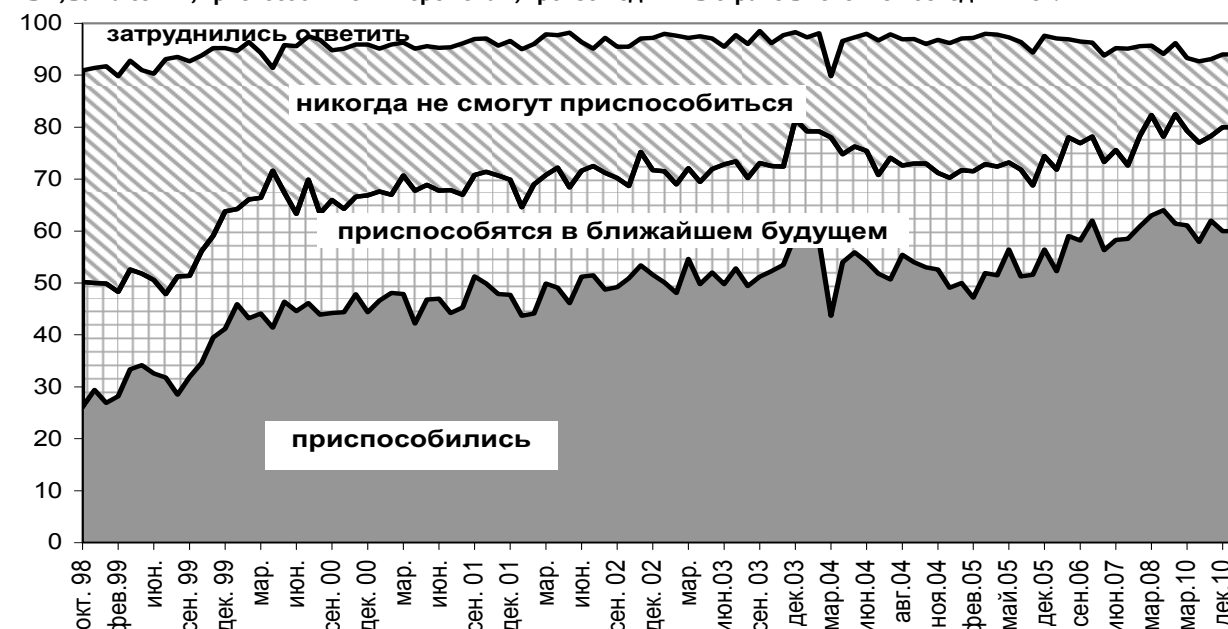
Как вы думаете, деньги, направленные на цели модернизации страны, будут потрачены...

	2009, XI	2010, III
Очень эффективно	2	3
Довольно эффективно	20	21
Малоэффективно	34	30
Совершенно не эффективно	10	9
Будут попросту разворованы	22	23
Затруднились ответить	14	13

Чем, по вашему мнению, в основном занимаются местные власти и чиновники в России?

Решением проблем населения своего города, региона	16
Поддержанием порядка, стабильности в регионе и стране	13
Решением своих собственных материальных вопросов, развитием контролируемого ими бизнеса	63
Затруднились ответить	8

Вы, ваша семья, приспособились к переменам, произошедшим в стране в течение последних лет?

не хочет торопить время. Пусть длится это лето, когда его спина такая же чёрная, как у таджиков, когда растут стены его дома и когда каждый день его жизни наполнен смыслом.

Непрестижная профессия

Открывая дверь, Сергей понял, что у Ани — гость. И действительно, в коридоре, где располагалась её «салон» (на самом деле просто столик с большим набором парикмахерских принадлежностей), перед зеркалом сидела молоденькая девушка, закрытая накидкой, и что-то щебетала. Буркнув приветствие, Сергей направился на кухню, но по дороге перехватил извиняющийся взгляд жены, слегка оттаял и, проходя, чмокнул её в затылок. «Зачем она это делает? — думал он, разогревая обед и прислушиваясь к возбуждённым голосам. — Денег, конечно, никогда не хватает, но уж она-то может их зарабатывать совершенно по-другому!» Время шло, он и поел, и успел сделать несколько звонков, когда, наконец, хлопнула входная дверь. Сергей выглянул в коридор, где Аня наводила порядок.

— Ну, я не понимаю! — начал он привычную тему. — У тебя высшее образование, аспирантура за спиной, знаешь два языка. Осталось диссертацию защитить — и такие перспективы! Хочешь — к нам в институт, не хочешь — можешь преподавать. Или дело своё открыть.

— Вот я и открыла своё дело. — Да какое это дело. Максимум — хобби. Ладно, я согласен, можно стричь подружек, делать им причёски. Но строить на этом будущее!..

— А мне надоело читать книжки по специальности. Меня больше не интересуют знания из этой области. Развивать её я не готова, а переливать из пустого в порожнее — не хочу. Пойми, мне нравится видеть результат своего труда. Причём творческого труда, заметь. Ко мне пришёл какой-то неуверенный в себе заморыш, а вышла — куколка, у которой сегодня благодаря мне, может, изменится жизнь. Ты бы видел, как она преобразилась.

Он сграбастал жену в охапку, уткнулся в тёплое плечо, сказал уже тихонько.

— Ради этого не стоило столько лет учиться. — Училась я, наверное, чтобы встретить тебя. А как иначе простой парикмахерше удержать возле себя такого замечательно-го парня!

Распил

Частный предприниматель Кирилл Заварзин, владелец мебельной фабрики «Уют», закрылся в кабинете со своим главным бухгалтером. Финансовый отчёт за год он уже изучил и теперь хотел обсудить: сколько средств без ущерба для дела они могут пустить на премии коллективу. Коллектив Кирилл держал в жёсткой узде. За опоздание — снимал треть зарплаты. За выпивку — увольнял без разговоров. Но текучки у него не было. Многие работали с основания фабрики — вот уже почти 15 лет. За место здесь держались зубами. Зарплата зависела от выработки и у особо ретивых доходила до 90 тысяч.

— Они что у нас, и по выходным работают?

— На дорогой мебели хорошие расценки, так что почти все — и сборщики, и швеи — выходят по субботам, с 8 до 21 минут.

— Нет, так дело не пойдёт. Потому я на их больничных разорюсь. Надо объявить, что 70 тысяч будет потолок, и чтобы распределяли работу равномерно. А то уложатся в 20 дней и пойдут в отгулы, никакого графика нормального не будет. Да и как домашние их выглядят, неверное, забыли. А кто меньше всех получает?

— Пильщики. У них расценки не по объёмам, а по сменам. В этом месяце заказов много, так у них тоже хорошо выйдёт, а бывает — и до 25 не дотягивают.

— Да, так и не могу придумать, как их стимулировать. Давайте хоть премиями как-то поддерживать. Какой у нас фонд?

Вера Степановна, человек старой закалки, сумму не произнесла, а написала на листочке и подвинула начальнику.

— Хм. Да ладно, больше можем выделить, всё-таки Новый год. По крайней мере, пилорамщикам точно нужно в размере зарплаты начислить, да и другие — пусть нынче по сотне получат.

— Как скажете, Кирилл Арсеньевич, — дама поджала губы. — Но вы же хотели производство расширять?

— Сначала я хочу спортзал оборудовать. Будем в обеденный перерыв в теннис и в футбол играть. Пусть мужики разомнутся.

— А женщины? — неожиданно возмутилась бухгалтер.

— Уговорили, — засмеялся Кирилл, — сделаем команды по цехам и объявим дружеский матч. Не сомневайтесь — женщины победят.

(Окончание на стр. 15)

Говорят, что в Енисее самая чистая в нашей стране вода...

Вода — удивительная субстанция. Её невозможно хранить. Её очень легко загрязнить, но невозможно очистить полностью. Её запасы истощаются катастрофически быстро, чистой питьевой водой в должном количестве обеспечены лишь 10% населения земного шара. И в числе этих счастливых — красноярцы.

Но очень скоро мы можем лишиться этого сокровища. Так считает О.Г. МОРОЗОВА, доктор биологических наук, профессор кафедры прикладной экологии и ресурсосведения Института экономики, управления и природопользования СФУ, советник Независимой общественной экологической палаты. Человек, который 30 лет занимается проблемами экологии.

Антарктида и Сибирь

Мир — одна система, любое вмешательство в которую может быть необратимо. Именно поэтому разговор о водных богатствах Енисея Ольга Григорьевна начинает с рассказа о пингвинах.

— В 1967 году в организме пингвина в Антарктиде обнаружили препарат ДДТ, пестицид. Казалось бы, откуда он на ледяном континенте? А виноват в этом, как выяснили потом учёные, великий круговорот воды в природе. Благодаря ему пестицид, смываемый с полей Африки, Америки и Советского Союза, появился в этих чистых водах.

Вода — конечная инстанция всех загрязнений. Всё, что появилось в атмосфере и почве, рано или поздно будет обнаружено и в воде. Поэтому, когда мы говорим о загрязнении воды, мы говорим о глобальном загрязнении планеты.

— **Ольга Григорьевна, а как вы оцениваете отношение к водным ресурсам у нас в крае?**

— Наше расходование воды настолько бездумно, настолько роскошно, настолько небрежно! Сколько мы тратим в сутки? Наши студенты пытались подсчитать, у них получилось 150-170 литров в день на одного человека. А сведения со станции водоподготовки Красноярска совсем другие — 700 с лишним литров. Дело в том, что существует так называемое прямое и косвенное потребление воды. Прямое — то, чем мы умываемся, стираем, поливаем цветы. Косвенное потребление мы не видим. Вот мы съели яйцо — а курицу вырастили, корм для неё тоже подготовили, птицеферму построили. И на всё это потратили и воду. Выходит, что на производство одного куриного яйца затрачено 300 литров воды. Для производства одного стакана молока — 400 литров. Лектор из МГУ приводит такое образное сравнение: если вы поужинали всей семьёй, вы при этом загрязнили целый бассейн. Но мы не думаем о косвенном потреблении.

— **Только мы не думаем? А в других странах?**

— Там намного раньше, чем у нас, вдруг обнаружили, что всё кончается. В 80-м году я была на годичной научной стажировке в Венгрии. Перед заселением мне объяснили, что воду из-под крана не пить нельзя. Я, если честно, не поняла — мы-то на ту пору слыхом не слыхивали, чтобы водопроводная вода была для питья непригодна. Я попробовала заварить чай. Вскипятила воду, залила кипятком заварку, а из заварника её вылить не могу. Открываю крышку — а там гель. Водопроводная вода была настолько загрязнена, что она спровоцировала образование геля из чайной субстанции. А у нас в то время даже платы за воду не было! Она была бесценна.

Мы даже не знали, что это природный ресурс, который подлежит учёту и оплате. В эти годы на лекциях у школьников я задавала свой коронный вопрос: «Сколько стоит литр воды?» Никто не знал! И я в том числе. Пробовали посчитать по квитанции оплаты коммунальных услуг, получались тысячные доли копейки. Графы «плата за холодную воду» вообще не было.

А в середине 90-х на этот вопрос мне уже могли ответить. Потому что в магазинах появились первые бутылочки с водой. И сегодня мы точно знаем, что литр чистой воды стоит денег.

Глубокая очистка

— **А она есть — чистая вода?**

— Наши очистные сооружения производят очистку примерно на 70%. Дальше очищать воду нерентабельно, а последние 5% очистки — вообще дороже золота. Потому что есть единственный метод очистки воды от всех загрязнений — перегонка.

— **Когда вода очищается на 70%, что из неё уходит?**

— Из воды удаляются органические, механические и биологические загрязнители. Что-то убрать вообще невозможно.

Процесс очистки сточных вод проходит в три стадии. Первая — механическая очистка. Борты бассейна возвышаются над землёй, у бассейна есть три выхода. В верхний уходит то, что не тонет в воде, нижний выход убирает тяжёлый осадок. Объём средней части воды идёт на вторую ступень очистки — биологическую; в огромные бассейны-аэротенки помещён так называемый активный ил. Это колонии бактерий, которые питаются органическим веществом. Некоторые растворённые соли и неионогенные соединения из сточной воды удалить невозможно. Третья стадия — обеззараживание. Пока самый надёжный способ — хлорирование.

Около четверти миллиарда человек ежегодно умирают от потребления некачественной воды.

— **Сейчас часто говорят, что хлорирование очень опасно...**

— Есть ещё варианты — ультрафиолетовое облучение и озонирование. Это новые методы, но они, к сожалению, грешат одним недостатком. Вот, например, было облучение «ультрафиолетом», но в воде осталось несколько бактерий. И всё, через день их уже миллионы. А при хлорировании постоянно поддерживаются бактерицидные свойства воды.

Конечно, хлор вступает в реакцию с органикой и получают высокотоксичные продукты, но, как говорится, выбирать не приходится.

— **Что остаётся в тех 30%, которые не удалось очистить?**

— Органическое вещество, механические примеси и биологическое загрязнение — болезнетворные бактерии и вирусы. Поэтому эту сточную «очищенную» воду в 10 раз разбавляют чистой — и только после этого имеют право сбросить в Енисей. А там Енисей природной способностью к самоочищению справляется с загрязнениями. Если бы этого не было, мы бы давно захлебнулись в сточных водах.

«У нас особенная вода»

— **Если сравнивать по чистоте воды Енисей и, например, Волгу — какая река чище?**

— Давайте сравним способность рек к самоочищению. Какое ложе у русла этих рек? Енисей — галька и камни. Волга — почвенное дно, ил, который в любой момент даётся взвесь, а это органика. Истоки Енисея в горах — хрустально чистые горные струи. Истоки Волги — в низменностях, роднички в болотах. Поэтому у Енисея сразу есть преимущества.

Самоочищение осуществляется по трём каналам — химическому, биологическому и физическому.

Физический канал предполагает очищение ультрафиолетом солнца, ветром, течением воды. Химический — различными реакциями, например окисления, осаждения и др. Биологическое очищение осуществляют гидробионты (обитатели воды), начиная от одноклеточной амёбы и заканчивая рыбами.

Где выше скорость течения? У Енисея! На Енисее есть пороги, очень много мелководий. Всё это помогает активно вести аэрацию, то есть обогащение кислородом. А кислород — это реакция окисления. Поэтому химическое очищение лучше идёт в Енисее. У Волги течение медленное, это ленивая равнинная река.

В районе среднего течения Енисея и Волги очень много городов, поэтому антропогенная производственная нагрузка на обе реки примерно одинаковая. Енисей с этой нагрузкой справляется лучше, но самоочищающая способность природных вод не безгранична. Если она превышена, то река превращается в сточную канаву. Такая участь была уготована нашей

точников, которые питают реку Енисей. Представляете, какая она чистая! Спускаешь воду до холодненькой и пьёшь. При такой температуре она имеет замечательный вкус свежести. Я объехала весь Советский Союз — нигде такой чистой, вкусной воды нет. Ну разве что на Байкале. Сегодня енисейскую воду буттилируют и увозят в Новую Зеландию, в Австралию, в Южную Америку.

Науку — в партнёры

Полноценное научное исследование состояния водных ресурсов — занятие не из дешёвых. Оно может вестись только при условии полноценной поддержки со стороны государства.

— **Первым проектом, посвящённым водным ресурсам Красноярска, была программа «Чистый Енисей», о ней много говорили в своё время...**

— Программу «Чистый Енисей» начинало Сибирское отделение Академии наук, Институт биофизики, а если точнее — заведующий лабораторией экологии водных экосистем Николай Степанович АБРОСОВ. Он выявил проблему производства и

предложил партийным органам ввести плату за воду. Сначала его приняли за агента ЦРУ, но потом он сумел доказать, что это необходимо для потомков — таким образом можно заставить предприятия сократить потребление.

— **А Енисею угрожает?**

— Енисею угрожают директора предприятий, которые не хотят вводить систему замкнутого производственного водооборота. Не хотят второй, третий, пятый раз использовать воду, хотят брать чистую из Енисея. Иркутская область и Красноярский край используют более 40% чистой воды прямо из реки. Тогда как в европейской части почти до 100% используют «оборотную» воду.

— **Почему возможен такой несовременный, прямо-таки феодальный подход?**

— Это — свидетельство низкой экологической культуры руководителей, желания сэкономить, не затрачивая деньги на очистку воды; оставшееся с прошлых времён ощущение неисчерпаемости природных ресурсов и безнаказанности за их бессовестное истребление.

Вода — реально исчерпаемый и невозобновимый по качеству природный ресурс.

— **Как отслеживается качество воды, которая берётся из Енисея?**

— Существуют показатели качества. Они подразделяются на гидрофизические (температура, цветность, мутность, электропроводность), гидробиологические (количество бактерий; например бактерий группы кишечной палочки), гидрхимические (содержание растворённого кислорода, минерализация, растворённое органическое вещество, концентрация тяжёлых металлов, фенолы, СПАВы, нефтепродукты).

На сегодняшний день таких показателей тысячи. В каких-то районах нужно иметь огромный список проверяемых пунктов, наша же вода, которая течёт в кранах красноярцев, особенная. Водозаборные скважины расположены на территории пяти островов в черте города Красноярска. Вода добывается из подземных артезианских ис-

не желающие тратить средства на сооружения систем утилизации стоков частного жилого сектора.

— **В октябре 2008 г. началось обсуждение долгосрочной целевой программы «Чистая вода». Как она реализуется?**

— Хочется ещё раз подчеркнуть необходимость научного сопровождения любой, в том числе и этой важной программы. «Чистая вода» — это один из приоритетных государственных проектов, направленный на обеспечение населения качественной питьевой водой. В связи с этим программа проходит по ведомству ЖКХ, а там свои представления, как всё это должно быть. В ЖКХ, конечно, есть лаборатории, есть инженеры, которые могут делать все анализы, но во главе нет координатора, нет научного руководителя. А ведь только при таком условии возможна нормальная, логичная цепочка, которая может решить проблему чистой воды.

— **Вы вот уже несколько лет работаете с Дзержинским районом, исследуете качество воды. Администрация сама вышла на вас?**

— Получилось это так. Глава района в выступлении на круглом столе поделился проблемой острого дефицита качественной питьевой воды в их районе. Дело в том, что грунтовые воды колодезь там содержат растворённые органические вещества, которые переходят из слоёв бурых углей Канско-Ачинского месторождения. Далее — артезианские слои воды соседствуют с месторождением каменной соли, которая придаёт воде горько-солёный вкус. К тому же пресная вода в единичных скважинах имеет повышенную жёсткость и превышение ПДК по железу.

Для очистки воды в один из местных детских садов был приобретён дорогой американский фильтр, который посчитали лучшим. И чуть не произошло несчастье! Дело в том, что фильтр рассчитан на те загрязнения, которые характерны для США. А в Дзержинском районе примеси серы бурых углей, содержащиеся в воде, вступили в реакцию с озоном технологической схемы фильтра. В результате в воде появились сероводород, у которого ПДК должен быть — ноль! Это высокотоксичный, очень коварный загрязнитель. В садике на кухне кушарки ходили с головной болью. У детей появилась повышенная сонливость.

Мы посоветовали им убрать озонатор из системы очистки, что и было сделано буквально в течение двух дней.

Сотрудники кафедры прикладной экологии и ресурсосведения и студенты СФУ продолжали исследования качества питьевой воды на всей территории Дзержинского района — в сёлах Курай, Денисово, Плитная, Ерша и др. Нами обнаружены многократные превышения ПДК по жёсткости (а это серьёзный риск появления сердечной-сосудистой заболеваемости), марганцу и железу и рекомендованы мероприятия по снижению концентраций этих вредных веществ.

— **Ваш студент П. САВЧЕНКО в прошлом году получил премию за исследование воды именно в этом районе.**

— Да, это было в рамках конкурса «Малая родина», проводимого краевым фондом науки и министерством образования края.

И напоследок я хочу сказать, что у меня есть ощущение, которое с каждым годом только крепнет. Я думаю, что у нас в Красноярске в ближайшее время начнутся проблемы с чистой питьевой водой. Спасти нас может дуплексное водоснабжение, когда питьевая вода подаётся отдельно — к тому же в меньшем количестве за большую цену. Сегодня только в Японии, единственной стране мира, в городском хозяйстве подаётся вода в трёх кранах: морская, пресная хозяйственная и тщательно очищенная питьевая (тоненькой струйкой), причём каждая из них имеет свою стоимость.

Питьевая вода должна быть дорогой. Тогда краны начнут закрывать.

Не наши дети

Про детдомовских детей обычно вспоминают на праздники, когда принято дарить подарки сиротам и неимущим. Или когда по ТВ проходит криминальный сюжет: обездоленных детей предали ещё раз... Время от времени СМИ рассказывают о том, что есть такая хорошая девочка Маша или симпатичный мальчик Петя, и они ищут родителей. Пожалуй, на этом всё.

В остальном детские дома на территории страны — это капсулы, резервации, которые живут сами по себе и входят в контакт с внешним миром крайне редко, а мир, пожалуй, вообще не хотел бы знать о горьком мире сиротства. И когда в полный рост встаёт проблема социализации этих детей, а не секрет, что многие бывшие детдомовцы пополняют ряды криминалитета, ответственные люди разводятся руками. Пеняют на наследственность, приводят ошеломляющие цифры, сколько тратится в год на детдомовца, обычно присовокупляя к этому, что столько не тратит на своего ребёнка обычная рядовая семья. Детдомовец не знает забот, он не стирает, не ходит в магазин, по нормам СанПиН ему даже не разрешают заваривать себе чай. И как из него при всей заботе государства вырастает такое...

Автор этих строк сама провела в детском доме два года — с 13 до 15 лет. Не споткнулась, потому что попала туда уже подростком, и потому, в отличие от нынешних детских домов, в тех, ещё советских, не боялись дать ребёнку в руки утюг, чайник, лопату и прочее. Мы, помню, помогали на кухне, и я выучилась

чистить картошку так, что до сих пор не встречала человека, который мог бы сделать это быстрее меня. Мы работали на огороде, помогали мыть малышей в бане, мыли полы, посуду, учились шить и вязать (в последнем я, правда, не преуспела). Более того, директор разрешала девочкам-подросткам подрабатывать нянями и выписывала им полноценную зарплату на свой страх и риск...

На второй год нас перевели в другой детдом, и тут даже я со своим подростковым жизненным опытом поняла, как много зависит от руководства. Здесь воспитатели были грубы и малообразованны, повара сумками выносили продукты с кухни, оставляя детям жалкие невкусные остатки, а директор могла ударить ребёнка...

С тех пор прошло много времени. Одно я вынесла из своего тогдашнего опыта — детский дом, каким бы он ни был хорошим, не заменит семью, и с ощущением изгоя ребёнок проживёт всю оставшуюся жизнь.

Впрочем, это и так все знают. А один из тех, с кем я на эту тему беседовала — кстати, сам директор детского дома — так и вовсе за то, чтобы детдомов вообще не было.

Ольга Евгеньевна ИСАКОВА, психолог. Писала диплом на тему развития коммуникативных способностей детей, лишённых семейного окружения.

— С чем пришлось вам столкнуться в своей работе?
— Самая главная задача любого человека, который приходит в детский дом, — не жалеть времени на то, чтобы узнать конкретного ребёнка лучше. Тогда и у него появляется к вам доверие. Я делала упор на индивидуальную работу. А в группе было 10 человек, подростки от 10 до 15 лет. Они знали, что я психолог, но относились к этому, можно сказать, с трепетом — привыкли, что люди приходят к ним только потому, что получают за это деньги. А если ты приходишь к ним ради них самих и искренне интересуешься тем, что у них происходит, то они к тебе и твоим занятиям относятся совершенно иначе. С этими детьми я проработала больше четырёх лет.

— Вы, наверное, не только из-за диплома с ними общались?

— Я старалась быть другом, оказывать поддержку. Как человек, который может что-то подсказать, если у ребёнка есть страхи, переживания, какие-то опасения, трудности в школе с учителями. Все эти проблемы можно проиграть в тренинговой форме, научить, как выстраивать отношения не с помощью силы, а с помощью слов, как делиться в конфликте своими чувствами.

— Чем эти дети отличаются от тех, которые воспитываются в семье?

— Среда сформировала у этих детей повышенную ранимость, уязвимость. Они очень остро переживают свой статус. Я сталкивалась с такой ситуацией: девочки при знакомстве с обычными ребятами не говорят, что они из детского дома, потому что были случаи, когда домашние дети просто переставали с ними общаться после такого признания. Или ожидали от них странных поступков.

— Может, в этом вина общества, которое сформировало определённые стереотипы по отношению к этим детям?

— Я проводила исследования в школе и получила интересные данные о том, что учителя вербально могут не выражать своё неприятие этих детей, но когда их в классе нет, учитель может эту неприязнь косвенно выразить. А ученики из обычных семей всё это впитывают. Сталкивалась и с тем, что когда рассказывала знакомым о работе в детском доме, слышала фразы вроде «Как ты к ним ходишь?».

В обществе есть установка — отгородиться от этих детей. Стереотип, что все они там сложные. А дети ровно так же живут, ошибаются, пробуют, чего-то боятся. Я сейчас работаю с детьми из обычных семей, и для меня между ними нет разницы. Ребёнок, в конце концов, не виноват, что у него такая судьба. А ведь нередко от взрослых уже людей можно услышать: «Мы платим налоги на их содержание, а они такими вырастают». Когда я училась в университете, один преподаватель говорил об эффекте Пигмалиона применительно к детям: чего мы от них ожидаем, то из них и вырастает. И если от детдомовских детей заранее ожидать, что они вырастут хулиганами, так оно и будет.

Проще всего сказать, что эти дети ужасные, и отказаться от кропотливой работы по выстраиванию отношений. Но в первую очередь они стараются добиться приятия себя, внимания. Сначала приемлемым способом, потом, если это не получается, другими способами — и за счёт негативного поведения всё равно получают внимание.

— Многие люди хотели бы если не усыновить, то приглашать ребёнка в гости, но боятся, что он будет разочарован таким урезанным видом отношений, будет стремиться попасть в семью.

— Я — за то, чтобы детей приглашать в гости. В качестве друга семьи. Заранее обговорить все условия посещения, честно сказать: «Мы тебя не берём навсегда, но ты будешь к нам приходить, и мы будем с тобой проводить время». Я видела тех детей, за которыми приезжали на выходные. Эти дети даже выглядят по-другому!

Виктор Иванович КОСТЮК, директор детского дома №1. Бывший математик, он основные свои проблемы обозначил сразу — как условие задачи, которую нужно решить обществу и органам власти.

— Социальных сирот больше, чем тех, у кого родители умерли?

— Да, сирот мало. У большинства родители живы, правда, их жизнь трудно назвать нормальной жизнью, так, существование. И главное, что за это расплачиваются дети. Одна из первых проблем таких детей — большая педагогическая запущенность. Вторая проблема — ослабленное здоровье.

— А вы их из Дома ребёнка берёте, или дети к вам поступают от родителей?

— Это долгая процедура. Сначала родителей лишают родительских прав, а детей забирают в реабилитационные центры. Потом по путёвке министерства образования они поступают к нам. Есть дети, которые уже побывали под опекой родственников или иных граждан. Я их для себя называю «дважды преданные». Сначала их мама предала, потом эти «родственнички». Нашим детям опереться не на кого. И вот представьте, какими они к нам приходят из таких семей! Очень большой процент не могут посещать обычную школу — посещают специальную. Но наши ходят и в обычные городские школы Кировского, Ленинского и Свердловского районов.

— Наверное, это способствует социализации детей — то, что они ходят в классы с домашними детьми?

— Нет, они очень тяжело социализируются в этих школах. Скажу честно, на сегодняшний день нормальные деловые отношения у нас только со спецшколами, потому что они работают с такими детьми и знают, как это делать. А вот с обычными школами у нас, к сожалению, нет контакта. Директор может сказать нашим педагогам при детях, мол, «из-за ваших детей у меня зарплата меньше». И вслед за руководством так начинают относиться к детдомовским детям другие педагоги и ученики.

— Мне кажется, органы образования должны делать «скидку» по успеваемости тем школам, которые посещают дети из детского дома. Ведь это понятно — они не могут успевать так, как домашние дети.

— К сожалению, это не в моей компетенции... Помимо проблем с обучением у моих детей ко всему ещё и очень серьёзные проблемы со здоровьем — здоровых практически нет, у многих просто букет заболеваний. Но лечить их, как надо, я не могу. Вот провели у нас медики диспансеризацию, обследовали детей, выдали карту, и теперь я должен, допустим, 95% детей отправить к стоматологу. А поликлиника даёт талончик на одного ребёнка в неделю. Понимаете? Второе. У них нарушена осанка, где-то 80-ти процентам нужен массажист. На платного у нас в бюджете денег нет, а с бесплатным та же история. Плохovidящих детей очень много, а я только сейчас смог заложить соответствующую

статью в бюджет. А надо учесть, что это дети, и очки у них часто ломаются. Бесплатных бассейнов сейчас тоже нет, и получается, что оздоровить детей как следует мы не можем.

— Когда дети выходят из детского дома, им полагается жильё. Как с этим обстоят дела?

— Вот. Это ещё одна проблема. За три года, что я директор, только двое выпускников смогли получить жильё.

А те дети, у которых было жильё до поступления в детский дом? Оно за ними закрепляется специальным распоряжением администрации района, в котором проживал ребёнок. Читаю документ — за Ивановым закреплена квартира. Или дом, если это деревня. Пролитываю дальше два-три документа и вижу — приложена справка, что дом для жилья не пригоден. Думаю: как же можно было не увидеть эту справку, когда собирали документы на закрепление жилья?!

У нас был случай: ребёнок находился в детском доме, и в это время органы опеки подписали, глава администрации посёлка подписал, нотариус зафиксировал — и 2-комнатную квартиру поменяли якобы на коттедж. Потом этот коттедж оказался... да там просто ничего не было! И сложно всё это проверить, когда деревня находится за триста километров от детского дома.

А бывает ещё, что квартира, да, закреплена за ребёнком, и даже трёхкомнатная, но там долг триста тысяч за квартплату, а откуда у выпускника детдома такие деньги? Плюс там продолжает жить его непутёвая мамаша со своим сожителем и прочими людьми... И когда 18-летний выпускник приходит в своё закреплённое за ним жильё и становится совладельцем, ему приходится решать все эти проблемы по оплате.

Николай Николаевич ЩЕРБАКОВ, психолог

— Какие проблемы, по-вашему, испытывают детдомовские дети и почему им так трудно вписаться в обычную жизнь?

— Дети, которые растут исключительно в детском доме, не адаптированы к обычной жизни по простой причине: ими никто не занимается. Нет там таких людей, за небольшим исключением, которые бы занимались детьми всерьёз и постоянно. Нет возможности установить толком привязанность, хотя у всех детей есть такая потребность. Условие не позволяют воспитателю работать в этом направлении. Ему бы успеть накормить детей, одеть, проверить уроки. Это обкрадывает эмоциональную составляющую личности ребёнка. И ещё такое наблюдение — а я в разных детских домах был, и в Ачинском, и в нескольких красноярских — чем больше детский дом, тем больше там бардака. И наоборот: чем меньше, тем уютнее, спокойнее, и дети себя чувствуют по-человечески.

Что касается людей, которые там работают, то есть и замечательные люди, и их немало, кто работает по призванию, и по детям это видно сразу: в их группах ребята спокойные, дружные, лучше развиваются.

Но есть и те, которые выгорают, механически относятся к своим обязанностям, с элементами деспотии, чего уж там скрывать. Но в любом случае дети недополучают того, что могли бы получить дома.

— В чём вы видите выход из этой ситуации? Может быть, развить такую форму опеки, как патронат?

— Да, надо брать детей на патронат, и если брать, то постоянно. На выходные, праздники, каникулы. Взрослый человек на год оформляет соглашение в органы опеки, и оно позволяет ему забирать детей в определённое время.

— Вы ведь тоже забираете детей, насколько я знаю?

— Забираю. Причём чем дальше, тем больше подумываю о том, чтобы сделать маленький детский дом человек на пять. Начал я забирать их со второго класса, сейчас они уже подростки. На одни выходные я забираю двоих человек, на другие — троих. Хочу сказать, что в детском доме дети почему-то медленнее растут, чем обычные. У меня такая ассоциация возникла, когда я там год поработал: как деревца в холодном климате, замирают в физическом плане. Потому что нет таких условий для роста, какие даёт ребёнку обычная семья.

— Вы как-то помогаете тем, кто уходит от вас в училище?

— В училище они идут по три-четыре человека, мы договариваемся, чтобы их в одну комнату заселили. Даём с собой что-то для жизни — бельё, чашки, чайник и прочее. И если здесь мы за ними наблюдаем, опекаем их, следим, то в училище они по сути уже не находятся под таким надзором. И, к сожалению, кто-то в это время теряет, совершает противоправные действия...

Нужно сказать, что показатели по тем, кто теряется, при Викторе Ивановиче заметно подросли. Потому что он стал их искать и подавать в розыск, чего предшественники обычно не делали — это портит отчётность и зарплату. «Не жалко вам зарплату?» — спрашиваю. «Во-первых, она у меня небольшая, — говорит Виктор Иванович, — а во-вторых, вдруг с ними что-то плохое случилось?». Потом он ведёт меня посмотреть новую столовую. Столовая и правда приятная, потолки высокие, чистенькая. «У нас теперь и цеха раздельные, — хвастает директор, — а раньше повара в одном помещении всё готовили». Везде женщины зрелого возраста — энтузиастки или те, кто подрабатывает к пенсии — зарплаты-то крошечные. Они удивлённо смотрят на меня, но Виктор Иванович их успокаивает: «Это журналист. В хорошем смысле».

Идём в «семью» — это жилой отсек на несколько комнат, где живёт примерно от семи до двенадцати детишек. «Лава семьи» — воспитательница, которая работает с детьми каждый день. Комнаты на трёх-четырёх человек. Один, самый старший, 11-классник, живёт в отдельной комнате. «Большой уже, заслужил», — комментирует Виктор Иванович. В «семье» есть телевизоры, стиральная машина, компьютер, воспитательница поит детей чаем, когда столовая уже закрыта, а перекусить хочется.

Больше всего директор мечтает о спортзале, бассейне и собственном участке земли вокруг детдома. Сейчас всего этого нет. А между тем в детском доме имеется своя футбольная команда, подающая большие надежды — ребята дважды становились чемпионами России среди детских домов в своей возрастной категории. Здесь большую помощь оказывает футбольный клуб «Тотем», главный спонсор ребяташек. Кроме того, Виктор Иванович договорился, и детей пускают потренироваться в чужой спортзал. Но туда ещё надо доехать два раза в неделю.

Особая гордость директора — что теперь у него и в 10, и в 11 классах учатся по 8 человек. Раньше их почти не было, а теперь ребятами занимаются, их поддерживают в стремлении учиться, и уже появились свой студент вуза.

Спрашиваю: «Почему вы решились стать директором детского дома, вы же больше 20 лет преподавали, работали в школе, в вузе?». Он отвечает: «Я шёл на эту должность с установкой — проработать три года. Теперь три года прошло, и я понял — столько пришлось пережить за это время, со стольким столкнуться, и теперь всё это, остановиться? Нет».

Материал подготовила
Елена НИКИТИНСКАЯ

Наговорился — как мёду напился

Речь сибиряков соответствует всем нормам литературного произношения. Ведь правда, это здорово? Кроме пресловутого сибирского «чо» — нам надо избавляться от «выдающего с головой» диалекта, подобного юго-западному «гэканью», северному «оканью» или питерскому «чтоканью». Мы от рождения владем литературной нормой, то есть — говорим идеально.

По-сибирски говоря

— Но знаете, никаких авторитетных подтверждений того, что в Сибири самый чистый язык, я не нашла, — говорит доцент кафедры русского языка СФУ Алевтина СПЕРАНСКАЯ. — Видимо, это наше личное убеждение. На фоне акающих москвичей (*спасаибо*), акающих южан («у нас в Рязани хрибы с глазами, их ядят, а они глядят»), цокающих новгородцев (*не плаць*) — у нас нет заметных отклонений от того языка, который мы слышим у телевизионных дикторов (именно они на сегодня являются носителями относительно образцового произношения). Но эта «чистота» — миф. В Сибири достаточно диалектных черт на уровне лексики (слова *покоцанный, переноска*), на уровне интонационной конструкции, да и элементарных речевых ошибок (*еслиф, заместо, исть*).

А вы могли бы по речи отличить сибиряков?

— Да, я себя поймала на том, что могу, хотя вряд ли объясню — как. Это, пожалуй, профессиональный навык. Более того, могу по языку узнать дивноговорцев — по какой-то их интонации, что труднее всего описать.

— Часто ли люди задаются вопросом — правильно ли то, что для них привычно? Например, вот это «приехал с района» (с Ачинска, с Дивногорска, со школы) вместо «из» — очень у нас распространено...

— Не часто. Потому что привычное кажется единственно верным. Вот однажды студенты мне задали вопрос: «А чо как правильно писать: через О или через Е?»

Какая прелесть.

— И я им ответила, что это для белорусов важно, потому что для них Ч с О означает фонему твёрдого Ч. А мы, русские, не умеем произносить Ч твёрдо, поэтому нам всё равно, как писать «правильно» это неправильное слово.

Газон культуры

— Чистота и блеск речи — это разные понятия. Мне кажется, в провинции не встретишь столичного лоска. Мы в речи мнёмся, спотыкаемся, стесняемся... Очень часто, если человек хорошо говорит, обнаруживается, что у него другие корни. Может, это объясняется чувством своей вторичности? Если развить эту тему, получается, нам просто удобно говорить, как привыкли. Ведь чтобы хорошо говорить, надо совершенствоваться. А нам комфортно жить без напряга, слегка вторым номером. Это своеобразный выбор сибиряков. Претендующие на большее — уже не здесь, они в Москве, в Европу едут. А мы — люди простые...

— В корне не могу согласиться с идеей провинциальности. Считаю, что центр там, где ты. Но верно то, что в Сибири культурный слой маленький и худенький. Думаю, даже в Минусинске он больше, чем в Красноярске. Так сложилось. И это как английский газон, для выращивания которого нужно триста лет.

— Или как фраза ЛУНАЧАРСКОГО про то, что интеллигент — это человек, у которого за спиной три университета: тот, что закончил его дед, его отец и он сам.

— Спасибо за подкачку. Вот у нас мало людей, которые закончили эти три университета. В Москве их объективно больше. И люди, хорошо говорящие, — это точно те, у кого за спиной стоит культура семьи, образования или вузовского места, в котором они воспитались.

Извините за банальность, но не может не повлиять на ребёнка, когда его ведут в Эрми-

таж, если это Санкт-Петербург, либо в Третьяковку. Кстати, у нас такое же благотворное воздействие культуры я испытала, когда водила своих ещё маленьких детей в наш Театр кукол. Это настоящее культурное событие, и я жалела об одном — что дети быстро выросли.

Думаю, трехвековая культура Санкт-Петербурга не может не сказываться на носителях языка. А главное — концентрация интеллигенции. У нас её значительно меньше.

Словесное строительство

— Вернёмся к отличиям в речи сибиряков. Хорошо ли, что местных особенностей нет? Получается — речь безлика?

— Литературное — это не безлика. Литературный язык позволяет человеку варьировать, выбирать, конструировать. А мы как раз его обедняем — модными словами, жаргонными словечками. Так мы одним массово востребованным словом заменяем десяток многих; одной синтаксической конструкцией заменяем массу эмоций. Сколько раз я с этим сталкивалась! Один бурно рассказывает другому что-то, выражая личные переживания или соображения о жизни. А его собеседник заключает всё одной фразой: «Дурдом!». Или такая вульгарно звучащая и очень распространённая фраза, когда один рассказывает о своих тщетных попытках что-то сделать, а его собеседник то ли обрывает его, то ли поддерживает (смысла я не понимаю): «А оно тебе надо?». Это что, богатство речи?

Литературный язык честно поставляет материал для строительства нашей речи. У языка огромный набор. Это мы привыкли брать, что проще. Раньше строили дома из дерева и камня, это долго и трудно, потом — из кирпича, сейчас — из бетонных готовых блоков.

— Перешли на дешёвый материал, хотя тот — экологичней...

— Вот именно. Не чувствует человек, живя в бетонной коробке, что он теряет. Так же и с языком.

— Что быстрее распространяется: норма или сорняк?

— Есть такой известный пример: до Всемирного фестиваля студентов в Москве большая часть населения нашей страны говорила мОлодежь. Такой просторечный вариант. Но вот к фестивалю Лев ОШАНИН написал гимн «Песню дружбы запеваёт молодежь», и через 2-4 дня всё население страны знало, как правильно произносить это слово.

Норма распространяется, если слово публично произнесено. Те слова, что часто произносят дикторы, мы и произносим правильно: кредит, договор... Хотя и здесь не всё так радужно. Потому что когда корреспондент берёт интервью у носителя языка, тот может употребить слово на своём профессиональном жаргоне (экономисты, например, говорят дОговор), и этот уровень речевой культуры тоже становится достоянием. На одном из наших каналов слово граффити я услышала во всех трёх вариантах: диктор, который подводил к сюжету, произнёс правильно, корреспондент сказал граффити, и сам граффитист — вообще граффити. И никого это не взволновало, и диктор не отреагировал на такой речевой разброд. А ведь так просто было сказать: «Вот какое интересное слово!»...

Где мы слышим, как правильно произносить *квартил, завидна, газопровод, сварты*, когда уместно говорить об инновациях? Образовательных передач у нас нет.

Мне жаль, что в обществе распространено заблуждение: на вопрос «Как правильно произносить?» отвечают: так, как сами политики (бухгалтеры, экономисты, лётчики, медики и т.д.) произносят. И никому в голову не приходит: как в словаре.

Но и словари иногда противоречат друг другу.

— Как правило, это касается тех слов, нормы которых не устоялись. Например, *риэлтор*, которое можно было писать и через Е. Должно пройти какое-то время, чтобы лингвисты могли уловить тенденцию. Например, слово *блогер*. Долго искали: предпочтёт два П, как в английском? Но слово *блог* уже прочно вошло в русский язык, появились его производные, и был предпочтён вариант, когда к корню прибавляется суффикс лица *-ер*.

— А какой словарь прав? Тот, который вышел последним?

— Я против такой оценки. Я за оценку «Этот словарь издан Институтом русского языка, поэтому он прав». Отдаю приоритет не новизне, а авторитету.

Глупость народная?

— По-моему, сейчас слов, обозначающих роль или качество говорящего, стало значительно меньше. Раньше были *краснобай, фразёр, пушмеля, говорун,olatoуст, вития, трибун...* А сейчас даже *болтун и трепач* редко встретишь. Означает ли это, что значение речевой характеристики личности стало ничтожно? На первое место выходит статус, имидж, стиль...

— Совершенно верно. Мы не оцениваем людей по этому параметру. Но сейчас круг востребованных слов — не только о человеке говорящем. У нас, например, исчезли из речи *совест, стыд, милосердие*. В характеристике человека стали превалировать другие показатели: сколько зарабатывает, где отдыхает, есть ли машина и т.д. То, что человек говорящий остался без оценки, ещё полбеды. У нас стала немодной и неценной характеристика ума. С некоторых пор внедрилась фраза: «Если ты такой умный, почему не богатый?». Кто первый сделал логическую ошибку, соединив эти два понятия? Здесь явное нарушение причинно-следственной связи! Скорее с богатством связано умение зарабатывать, порой — хитрить, обманывать. Почему никто не говорит: «Если ты такой умный, почему не помогаешь бедным?»... Но это лишний раз показывает то, что на самом деле заботит общество потребления.

— Вы занимались изучением пословиц и поговорок. А насколько этот пласт языка задействован в речи?

— Пословицы изысканный, но архаичный материал нашей речи. Если их и используют, то редко и самые простые, типа «Любишь кататься — люби и саночки возить». В разговорной речи мы редко прибегаем к пословицам, это ситуация дидактическая, поучающая.

— Стокнулась с тем, что в учебнике для 3 класса приводится начало пословицы или фразеологизма (например, «водить за...»). А ребёнок должен продолжить. Но для него продолжение не очевидно.

— Пословица — тот пласт культуры, который накапливается со временем. Если ребёнок не слышал выражение от родителей, не извлёк из книги, то откуда он может его знать? Это всё равно, что в 3-м классе попросить продолжить стихи МАНДЕЛЬШТАМА или ЦВЕТАЕВОЙ. Дети их узнают, но чуть позже. Поэтому задания «продолжи пословицу» лучше выполнять с учителем. Я только в студенчестве поняла поговорку «В лютый холод всякий молодец». Почему, думала я?! А в этом шутовском ритмичном тексте отражено весьма прагматичное наблюдение: зимой каждый старается поскорее юркнуть в тёплое местечко и бежит быстрее, а быстро бегущий человек напоминает молодого.

Сегодня в речь на смену традиционным пословицам пришли афоризмы — из кинофильмов, книг. Словарь К. ДУШЕНКО включает более 5 тысяч оборотов, появившихся буквально за последние 50 лет.

— Есть такое определение «пословица — это глупость веков». Не согласны?

— Нет, и могу основательно возразить. Хотя понимаю, почему это родилось: нельзя абсолютизировать какую-то мысль. Но мудрость пословиц — как раз в многозначности взглядов. Помните фильм ГАЙДАЯ, когда прораб перечисляет пословицы о труде: «Без труда не выловишь и рыбки из пруда», «Труд человека кормит, а лень портит»... А потом «От работы кони дохнут... Ой, не то». А я ещё добавлю: «От трудов праведных не наживёшь палат каменных». И некоторые говорят: где же мудрость, если одно противоречит другому? Но в этом и мудрость, что пословицы всё знают: в жизни бывает и так, и по-другому.

Первая ступень

— Можно ли научиться красиво говорить, и учат ли это в школе?

— Многие ставят знак равенства между языком и речью. У нас учат русскому языку. Я бы даже сказала, что учат ортологию, то есть правописание и расстановку знаков препинания. А русский язык — это и его история, и объяснение — почему так. Например, что такое одушевлённость, почему так ведёт себя числительное...

— Возможно ли, чтобы в школе это объясняли?

— Думаю, разумные вкрапления, особенно в 80-е годы, когда была популярна педагогика сотрудничества, были в программы внесены. Но сейчас выбирают учебники, которые подвёрстаны под ЕГЭ. А это орфография, элементарные грамматические сведения и умение написать шаблонный текст.

Я спрашиваю знакомых, у которых есть дети: пишут ли сегодня в школе сочинения на свободную тему? И делаю вывод, что это занятие исчезло.

— Разве сочинения могут развить речь?

— Конечно! Когда я сама преподавала в школе, то билась за сочинения — они обязательно должны быть! И я, кстати, была против оценивания в сочинении орфографии и пунктуации.

Не хотела, чтобы у детей костенела рука при мысли «А вдруг я это слово с ошибкой напишу!», и они подыскивали более стёртое, известное.

— Но само сочинение — уже контрольный рубеж, оно показывает, что ребёнок умеет, оно не учит...

— Нет, не так. Вам не видна работа хорошего учителя, который знает методики подготовки к сочинению и проводит специальный урок: как можно написать сочинение. Кстати, одна из глупых методик — прочесть образцовое сочинение.

Вот у нас было сочинение про кошек (а кто-то больше любит собак — значит, надо разрешить писать на несколько тем!). Сначала — подготовительная работа. А в результате я получила то, что хотела — индивидуальные тексты, разные жанры! Саша Морозов написал энциклопедическую статью, Люда Пригодич — какую-то сладкую историю про кошечку. Миша Ерохин придумал монолог уличного кота: «О, как аппетитно пахнет! Да это же моя любимая помойка. Кто-то выкинул селёдочные головы!». Дети ухаживались, а я объясняла, чем каждое из этих сочинений хорошо.

Возвращаясь к вопросу «почему в школе дети не научаются красиво и правильно говорить», — отвечу. 1. Они такую

речь мало слышат, поэтому и не впитывают. Предметники чаще всего говорят сухо, неинтересно. Даже историки умудряются неэмоционально рассказывать!

2. У предмета «Русский язык» и нет такой задачи.

А что важнее: научить писать без ошибок или искусно владеть речью? Зачем знать, как пишется корова, если человек не может двух слов связать?

— Для меня важно и то, и другое. Но дело в том, что грамотно писать мы учимся долго, а умение говорить я бы научила за несколько месяцев.

— Это проще?

— Умение говорить — это в первую очередь мотивировка. Я не научу того, кто не хочет. Но если я заинтересую, то потом даю только один совет: речь должна быть уместной. Говорить ясно и логично — на экзамене, изысканно — в элитном обществе, сердечно и с юмором — в дружеском кругу.

Бороться и искать, найти и не терять...

— Можно ли сказать, что в нашей речи после завершения советского периода стало меньше канцеляризм, официоза, тяжеловесных книжных оборотов? Или советский строй нанес непоправимый урон русскому языку, это вьелось пор бывает невозможно слышать чиновников...

— Тогда публично говорили не разговорным, а письменным языком, и на какое-то время это стало нормой. Со сменой строя человек не изменился, так что меньше плохой речи не стало. Но сегодня к этому добавилась слабо контролируемая разговорная речь. Либо официоз, либо пустобрёхство — нет пока у нас золотой середины.

— Вы лично употребляете в своей речи такие слова, как тренд, микс, фьюжн и т.д.?

— У меня нет ситуации, чтобы я употребила слово микс. Мне это не нужно. Я в поток современной жизни включаюсь чем-то другим. Эти модные слова я слышу, понимаю, но — не произношу, с некоторыми даже по разным сторонам улицы расхожусь.

Например, слово «озвучить» — считаю вредным и не нужным. Или слово «формат» — его употребляют, где надо и не надо. «У нас лекция прошла в формате вопрос-ответ». А нельзя просто: лекция была с вопросами и ответами? Или недавно по телевизору «я занимаюсь обучением в формате вузовском...». Слово несёт конкретное значение, и если его в этом значении употреблять — оно уместно. Но говорить «актуальный макияж» — это уже выворачивание слова. Это безвкусица.

— Как воспитать языковой вкус?

— Со вкусом вообще катастрофа. Мы потеряли ощущение, что хорошо, что плохо, сейчас налицо речевая всеядность. Недопустимое недавно — сегодня стало нормой. Говоря это, я имею в виду не только мат, но и проблему общения в семье. Родители стали невыразимо грубы со своими детьми. Если даже на улице их речь вульгарна, злая, то какая она дома? Да, есть необходимость заставить ребёнка. Но зачем же так унижительно, с ущербом для человеческого достоинства? Зачем ежедневно говорить своему ребёнку: «Ты что, идиот (придурок, балбес)?»

А вкус воспитать очень просто. «С кем протекли его боренья? С самим собой, с самим собой...» Запретить себе. Продолжение этой же темы — тон. У человека обязательно должна присутствовать и интонационная самоцензура.

— Если изо дня в день в школе ребёнок слышит сухой язык, на улице и с экраном телевизора — бульварную перебранку, то как ему быть другим?

— Родительские вкрапления, то есть оценки и их собственная речь очень ценны. Это как блюдо. Есть основное — каша, например, а есть сладкие, острые, солёные добавки, за которые мы и любим пищу...

— Кашу ничем не перебьёшь...

— И не надо, это основа. Но добавки избавляют нас от однообразия.

Валентина ЕФАНОВА

Наука в роли пророка

Всероссийская конференция «Сибирский Север и Арктика в условиях глобальных вызовов XXI века», которая проходила в СФУ 21-22 ноября, собрала представительный состав гостей. Среди чиновников, иностранных дипломатов, геологов и нефтяников были и ведущие российские климатологи. Владимир КАТЦОВ, доктор физико-математических наук, директор Главной геофизической обсерватории Росгидромета, поделился своими соображениями о том, как глобальные климатические изменения на Севере и в Арктике могут повлиять на стратегию освоения этих территорий.

Фото Л. ШОСТАК

— Владимир Михайлович, Россия официально признаёт, что глобальное потепление климата на планете имеет место быть. Но часть научно-общественного сообщества до сих пор скептически...

— В 2007 году было опубликовано четвертое заключение Межправительственной группы экспертов, в котором говорилось о том, что происходящее глобальное потепление не вызывает сомнений. Как один из авторов климатической доктрины РФ, подписанной Президентом в 2009 году, могу сказать, что признание этого факта нашей страной — очень важный момент. До этого были только косвенные вещи, такие как подписание Киотского протокола или присоединение к Рамочной конвенции ООН об изменении климата. Но мы никогда не высказывались по этому поводу.

— В Климатической доктрине чётко говорится о пересмотре приоритетов. Российская климатическая наука стремительно движется в сторону макроэкономики, начинает апеллировать к таким вещам, как продолжительность отопительного периода, индекс потребления топлива или количество дней с риском обледенения дорог. Наша страна теплеет быстрее, чем планета в среднем, поскольку высокие широты в Северном полушарии — это самая быстротеплеющая часть Земли. Арктика — один из важнейших приоритетов российской науки во всех отношениях. Кроме того, это — один из регионов Земли, наиболее уязвимых к изменениям климата, и единственный регион, в котором эти изменения оказывают существенное обратное влияние.

— Какие вызовы ставит перед современной климатической наукой «теплеющая Арктика»? Можно ли распределить их на временной оси?

— Самое «попыхающее» событие, если так можно выразиться, — это то, что ледяной покров в Северном ледовитом океане обещает стать исключительно сезонным. То есть на лето лёд будет исчезать из Арктики полностью, и это может произойти уже в 21 веке. Сейчас его площадь составляет 4,33 млн квадратных километров. Скорость исчезновения льда — 12% за десятилетие. Очень быстро. Поэтому большой ажиотаж сейчас связан с теми возможностями, которые открываются — Северный морской путь, шельфы и так далее. Далее — туманное будущее вечной мерзлоты, которая отступает всё дальше. Тут речь идёт о временных масштабах, по-видимому, от десятилетий до столетия. И, наконец, проблема длительностью в тысячелетие, которая, однако, вполне обоснованно воспринимается многими как грядущая катастрофа — это тающий ледник Гренландии.

— А когда мерзлота исчезнет совсем? И почему климатологи называют Сибирь «покроховой бочкой»?

— Когда она растает — это, конечно, отдельный вопрос, и что там будет со всеми строениями, которые на ней выстроены. Для вашего края это вопрос актуальный, но локальный. А глобально то, что по некоторым оценкам количество углерода в виде комплексных соединений метана, которое содержит вечная мерзлота, огромно. Если в результате каких-то воздействий начнётся его выделение в

атмосферу, инициируется мощная обратная связь. Оговорю, что этот вопрос вообще плохо изучен. Я несколько лет назад инициировал некую дискуссию по поводу того, что и кто может сказать насчёт доступности этого углерода. Был весь спектр мнений — от полного отрицания, что, мол, ничего не произойдёт, до криков, что в Сибири зарыта настоящая климатическая бомба. Если часть этого углерода действительно будет выбрасываться в атмосферу, то возникнет то, что называется положительной обратной связью, когда следствие усугубляет причину. То есть выбросы будут увеличивать парниковый эффект, мерзлота будет таять быстрее, и так далее...

— Ещё одна большая проблема — это увеличение уровня воды в Мировом океане вследствие таяния льдов...

— Не только. Есть ещё такая важная вещь, как глобальная температурная циркуляция океана, так называемый «конвейер Гольфстрима». На него Арктика способна влиять, поставляя в северную часть Атлантики пресную воду. Солёность воды меняется оттого, что пресной становится всё больше, и это может повлиять на широты Гольфстрима в Европе, что, как вы понимаете, грозит скандинавским странам крайне неприятными последствиями.

— Что же до повышения уровня океана, то оценки уровня подъёма в течение XXI века будут пересматриваться. Порядка 26 сантиметров в течение века, но это без учёта таяния Гренландии. Что делать, если Гренландия начнёт плавиться — неясно. Лёд, который может исчезнуть в Арктике, к уровню океана ничего не добавит по понятным причинам. Зато Гренландия содержит в себе целых семь метров ледяного щита.

— Правда, здесь счёт идёт на сотни лет, а наука ещё не в силах справиться с такими сложными моделями, как динамическое таяние. Это ведь не простая схема — сколько тепла поступило, столько льда растаяло. Когда лёд трескается, возникают различные движения, вода начинает протекать внутрь, там вновь замерзает, расширяется и способствует дальнейшему разрушению ледникового щита. Возможно, в пятом докладе попытка измерить всё это будет

сделана. Недавно в Денвере проходила крупнейшая конференция по климату с участием более двух тысяч учёных, мы все эти вопросы там обсуждали. Сейчас можно говорить только о том, что наука посчитала, что на метр с чем-то поднимется уровень Мирового океана. Метр — это для кого-то серьёзно крайне. Для нашей страны это пока не повод беспокоиться.

— А могут ли те модели, которыми пользуются климатологи при прогнозировании изменений, быть ошибочными?

— Понимаете, новое поколение климатических моделей (например, CMIP — проект сравнения объединённых моделей общей циркуляции атмосферы и океана) — это не какие-то математические экстраполяции. Это, на самом деле, законы физики, они описываются экспоненциальным уравнением частной производной, которые сами не решаются аналитически, но которые можно разложить по законам математики на гигантские алгебраические уравнения, их уже в свою очередь перевести в машинные коды и считать на суперкомпьютерах. Эта штука ведёт себя, как природа.

— Мы специально занимаемся уравнениями этих моделей и считаем, что это единственный инструмент, с помощью которого можно давать какие-то прогнозы. Новое поколение моделей помогло нам определить сценарии того, как человечество будет влиять на климат. Есть несколько сценариев для конца XXI века, и сейчас мы идём почти что по самому жёсткому.

— Неужели двух градусов (предполагаемое повышение мировой температуры к концу века) для всего этого будет достаточно?

— Вопрос о двух градусах я бы сейчас отложил в сторону. Эта цифра взята не из науки, она как правило дорожного движения — не больше 60 километров в час на дороге. А почему не 61? Это такая ориентировочная разумная оценка, предел. Но может быть и теплее. Если говорить о жёстком сценарии A2, то он предполагает глобальное потепление до плюс четырёх градусов. Вот это очень много.

— Хорошая аналогия здесь получается с температурой тела человека. Мы шумим, что за прошлый век температура под-

нялась на три четверти градуса, а что это такое? Да ерунда, у человека в течение суток температура меняется на градус. В отличие от локальных температур, которые бегают, глобальная температура очень устойчива, потому что это в целом характеристика тепла, которую содержит система. Оно поступает от солнца, но парниковый газ способствует его накоплению всё больше и больше. Система как бы раскошегаривается. Так вот, если к нормальной температуре тела добавить три четверти градуса, мы получим уже за тридцать семь, то, что называется субфебрильной температурой. Если мы добавим два градуса, то получим хороший жар, и надо уже принимать лекарства. А если мы добавим четыре градуса, то можно уже и не принимать ничего. Есть определённые регионы на Земле, которым мало не покажется.

— То есть нам уже надо готовиться к жизни в условиях голливудского фильма-катастрофы?

— Когда мы говорим о тех вещах, которые могут случиться, категорические суждения неуместны.

Да, я твёрдо стою на позициях глобального потепления, но всё-таки я представитель Межправительственной группы экспертов, и поэтому апеллирую к вероятностным вещам. Климат — не математическая теорема, которая доказывается какими-то выкладками. Оценивать можно только вероятность. Другое дело, что оценки наши подтверждаются.

— В 70-е годы мой предшественник на посту директора Главной геофизической обсерватории академик Михаил БУДЫКО — кстати, самый известный русский учёный в истории изучения изменений климата, второй лауреат премии «Голубая планета», аналога Нобелевской премии в метеорологии — так вот, он уже тогда предсказывал потепление, когда никому это даже не приходило в голову. Наоборот, тогда была популярная концепция «белой Земли». Его прогноз резкого роста среднегодовой температуры Земли до настоящего времени оправдался, по две десятых градуса за десятилетие. С другой стороны, это вовсе не удивительно, потому что понятно, что всё то тепло, которое сюда приходит, должно куда-то деваться. А оно не может никуда деться, кроме как на повышение теплоемкости атмосферы и океана.

— Что вы как учёный думаете, когда слышите, что нужно всё больше и больше месторождений развешивать, зажимать всё новые газовые факелы?

— Я в этом случае выступаю как просвещённый дилетант. Мне понятно, что энергетическая мощь страны — это вещи приоритетные. Но меня сильно смущает, что это идёт само по себе и не в связи со всеми оценками будущего изменения климата. Когда в 2007 г. триум-

фально, с Нобелевской премией вышел четвёртый доклад, то некоторые политики, особенно в Европе, сказали — всё понятно, вы можете отдыхать. Теперь решения принимать будем мы, а наука своё дело сделала. Так вот, мы считаем, что это абсолютно не так, потому что неопределённости касательно грядущих изменений климата очень большие. Есть ряд факторов, которые могут внести существенные коррективы в эти самые оценки.

— Да, картина не чёрно-белая. Потенциальные доходы от того же Северного пути огромны. Но если угрозы, связанные с климатом, приходят сами, то извлечение выгоды связано с серьёзными усилиями и инвестициями с нашей стороны. Нам нужно знать, когда, где, зачем делать и сколько это стоит. Нужна конечная оценка и доведение до потребителей конечных результатов климатических рисков — это означают все эти градусы, миллиметры и гектопаскалы. Наконец, нужен прорыв в управлении климатическими рисками. Риски — это то, что необходимо считать, чтобы принимать экономические и политические решения.

— Подарков от природы нам ждать не приходится?

— Есть такое обиходное определение хлябвы — как только потеплеет, мы сразу доберёмся до труднодоступной нефти, освоим целину и бананы в Сибири будем выращивать. Это всё, конечно, ерунда. С потеплением приходят неприятности. Например, биологически агрессивные виды, которые проникают в беззащитные высокие широты. А к чему приведут необдуманные действия в Арктике, если мы откроем там несколько промышленных портов, запустим туда пароходы? К безумному уровню загрязнения. И так далее. Это всё — тоже атрибуты изменения климата, к которым мы, к сожалению, привыкли готовиться реактивно, а не проактивно.

— В 2010 году летом в Москве похоронные бюро перестали справляться с работой. Но дело было не только в том, что вокруг горели торфяные болота, а в том, что жара действовала в сочетании с загрязнением воздуха. Климатические эффекты не сами по себе существуют, они суммируются, усиливают друг друга. Скажем, как воспользоваться тем же самым Северным морским путём? Это ведь не только дырка во льду, но ещё и необходимость в солидном флоте определённого класса. Несмотря на таяние льда — в Арктике всё равно будет трудно. Появятся даже новые опасности, которые пока сдерживаются ледяным покровом. Инфраструктура нужна, те же самые порты, а это гигантские деньги.

— Так всё-таки, что выиграет Россия от того, что Арктика станет для неё доступнее?

— Основной ресурс, который Россия должна прирастить, — это наука. Не гигантская территория, освободившаяся от мерзлоты, не ожидаемое безумное увеличение водных ресурсов, на что многие уповают, не сокращение отопительного периода, не все эти природные богатства, которые станут доступны. Основной ресурс — это мозги, которые нужно, вообще-то, питать. В 2009 году мне была поручена Росгидрометом организация в Петербурге всероссийского метеорологического съезда. Так вот, то был шестой съезд, а предыдущий, пятый, состоялся в 1972 году!

— С 80-х годов мы проиграли технологическое соревнование с Западом, оказавшись во вторых рядах по всем направлениям. Потом, что называется, прожили капитал предков. Сейчас какие-то телодвижения по возрождению науки делаются, но возникли новые системные проблемы — уже по части кадров.

— Тот, кто не занимается серьёзным, а не лозунговым, не компанейским развитием своей науки в национальном масштабе, не упоая на подарки мирового сообщества, тот начинает кормить чужую науку. Наука — единственная, кто может сказать, что со всем этим делать. Нет, не только наука. Ещё пророки. Но последних в своём отечестве, как известно, не сыскать. Поэтому наука — единственный наш способ овладения этим знанием.

Евгений МЕЛЬНИКОВ

Вам понты или ехать?

«Кто пешком,
а кто в карете...
все спешат на
этом свете»
(Комедия-воде-
виль А.Цагарели
«Ханума», 1882 г.)

Нынешней осенью стараниями популярного блогера — кандидата биологических наук, учёного секретаря Института биофизики СО РАН Егора ЗАДЕРЕЕВА на базе Красноярского регионального инновационно-технологического бизнес-инкубатора появилась дискуссионная площадка «Город будущего: взгляд из настоящего». Изначально её создавали тоже для блогеров и «активной молодёжи», оставив «входную дверь» открытой для всех неравнодушных к будущему нашего города. Вот я и зашёл недавно на обсуждение «транспортного будущего» Красноярска.

Впрочем, обсуждение темы участниками дискуссионной площадки «Город будущего», к сожалению, повели в лучших традициях настоящего и где-то даже прошлого. Модератор Егор Задереев пытался задать принципиально новый вектор — а надо ли вообще горожанам каждый день ездить и куда? — но его услышали лишь основные докладчики-эксперты, да и те восприняли этот вопрос как некую ересь.

— Все видят, что транспортная проблема в Красноярске одна из основных. Не хотелось бы, чтобы эту проблему решали по принципу — зачем нам вообще ездить, когда можно спокойно дома сидеть, — отрезал кандидат технических наук, заведующий кафедрой транспорта Политехнического института СФУ Александр ФАДЕЕВ.

— Нужно ли передвигаться или нет? Конечно же, нужно! — продолжил главный инженер отдела территориальной деятельности и транспортного развития института «Красноярскгражданпроект» Максим СИЛКИН. — Транспорт — это скорость, это перемещение за короткое время, быстрое решение разных дел и вопросов.

Похоже, мы с Максимом живём в разных городах. В «моём» Красноярске транспорт практически утратил скорость. Согласно «Концепции развития пассажирского транспорта общего пользования в городе Красноярске на 2011–2015 годы с перспективой до 2020 года», в прошлом году скорость движения общественного транспорта в «часы пик» в центре города не превышала 10 км/ч, и 30% поездок горожан длились более 40 минут. И это только официальные данные! Какое уж тут «быстрое решение разных дел»?

Но и молодёжью напоминаю о том, что нынешние технологии позволяют слушать лекции и участвовать в семинарах, не выходя из дома, и тысячам красноярских студентов на самом деле не надо каждый день тащиться через весь город в свои вузы, было воспринято как нелепая шутка. Инерция мышления, консерватизм? А может просто учёба — не единственное, а для кого-то и не главное, ради чего ездят на лекции? Вузы в нашей стране — это место не только обучения, но и общения «себе подобных», «статусная тусовка». Однако сейчас всё больше студентов, которым некогда «тусоваться», которые предпочли бы время, потерянное в дорожных пробках, потратить с большей пользой именно на учёбу или работу!

Выйдите в воскресенье к вузам Красноярска. Нет давки в подходящих/отходящих автобусах, нет пробки на проспекте Свободном на подъёме к Сибирскому федеральному университету, свободны от припаркованных там и сям машин улица Мира в районе Технологического университета и улица Лебедевой в районе Педагогического... А ведь такая картина может радовать всех горожан и в будни, если Интернет использовать не только для «зависания» в социальных сетях, но и для практических занятий.

Заметьте, я говорил только об оптимизации жизнедеятельности людей с помощью современных технологий. Сокращение транспортных проблем здесь — не самоцель, а лишь приятный «бонус» при решении далёких от транспорта задач. Может быть, именно поэтому эксперты дискуссионной площадки и не

восприняли такие предложения всерьёз? Ведь в них не идёт речь об освоении миллиардов рублей и о задействовании специалистов транспорта.

Ну, а что же предлагают профессионалы? Максим Силкин среди прочего представил проект канатных дорог. Изначально это была идея руководства фан-парка «Бобровый лог», которое рассчитывало связать «канаткой» Академию зимних видов спорта в районе Сибирского федерального университета с «Бобровым логом». При здравом рассуждении стало понятно, что такая трасса решению транспортных проблем города вряд ли поможет, да и пассажиропоток будет на ней очень скромным.

↑ Так выглядели первые маршрутки в Красноярске

→ А таков — скоростной трамвай

↓ Кабинка фуникулёра в Пятигорске

Так появился ещё один маршрут, связывающий Свердловский район (ст. «Енисей») через остров Отдыха с краевой администрацией и Центральным парком. Это две линии первой очереди. Затем их предлагают связать друг с другом и продлить на левом берегу от СФУ до Ветлужанки, а на правом берегу до «Роева ручья», плюс связать остров Отдыха и остров Татышев. Вместе с сетью скоростного трамвая («наземного метро») канатная дорога («воздушное метро») сможет связать те части города, в которые должно было прийти так и не построенное метро классическое. Для этого надо будет построить транспортно-пересадочные узлы, где канатная и железная дороги будут соединяться.

На мой взгляд, если такие канатные дороги у нас и появятся, они станут эффективным городским аттракционом, но эффективным городским транспортом — вряд ли. Не хотел бы я застрять в кабине в нескольких десятках метров над Енисеем в 30-градусный мороз! А ещё мне подумалось: неужели канатные дороги в Красноярске более реальны, чем дистанционное обучение, виртуальные офисы и Интернет-магазины?

По мнению Александра Фадеева, кардинально решить транспортные проблемы города может только создание сети скоростного внеуличного транспорта.

— Нам нужен высокопроизводительный транспорт, который обладает большей провозной способностью, чем автобус. В разных странах эту проблему решают по-разному. В Европе, допустим, это скоростной трамвай, в Южной Америке — автобусы по выделенной полосе. Мы решили, что для Красноярска более предпочтительным будет скоростной трамвай. Я не против метро, но сегодняшними темпами эффективная разветвлённая сеть может быть построена не ранее чем через 100 лет. Легкорельсовый транспорт в среднем на порядок дешевле, на его создание нам потребуются 10 лет — с этой цифрой уже можно работать. Сеть легко-рельсового транспорта строится

по аналогии с сетью метро, где пассажир оплачивает поездку один раз при входе в неё, и вторая оплата при пересадке уже не требуется. При формировании сети для взаимодействия разных видов транспорта на основных узлах потребуются создание транспортных терминалов и перехватывающих парковок.

Глядя на предполагаемую схему движения скоростного трамвая (www.admkrsk.ru/citytoday/transport/proposal/Pages/speed.aspx), участники дискуссии сделали для себя два печальных открытия.

Во-первых, заново придётся прокладывать трамвайную линию по Октябрьскому мосту, ликвидированную 4 года назад.

О чём думали в мэрии в 2007 году, отдавая команду ликвидировать трамвайную линию, к поворотному кольцу которой в районе МВДЦ «Сибирь» тогда как раз стали приближаться жилые и офисные новостройки, а на правом берегу разрастался большой микрорайон на улице Крайней? Вообще, под шумок разговоров чиновников о сохранении и развитии электро-транспорта в Красноярске фактически идёт его ликвидация: за 10 лет перестали существовать 10 троллейбусных маршрутов. Ликвидировано движение трамваев по Коммунальному и Октябрьскому мостам, «обрезаны» линии до посёлка Технический и шинного завода. Последней до соединения с трамвайной линией в Черёмушках — Энергетиках оставалось меньше километра. Теперь концепция предусматривает строительство здесь трамвайной ветки заново!

Алгоритм действий везде был практически одинаковым: сокращение подвижного состава → увеличение интервала → падение пассажиропотока → ликвидация маршрута «за ненадобностью». В некоторых случаях снижения пассажиропотока добились «обрезанием» удобных линий, неудобным графиком движения и ранним уходом подвижного состава с маршрутов.

А теперь вторая неприятность: Октябрьский мост является *единственным*, который сможет связать оба берега! На мостах «777» и Коммунальном для рельсов нет места, а в проекте нового четвёртого моста трамвай *не предусмотрены!*

В свете вывихившихся проблем с «форсированием» Енисея внеуличным рельсовым транспортом интерес представляет реанимация идеи городских электричек — у них, по крайней мере, два моста через Енисей.

— Некоторые жители Красноярска уже сейчас пользуются электричками, в том числе сквозными, для поездок в городской черте. Но для превращения их в полноценный городской транспорт маршруты надо закольцевать, количество поездов увеличить, а интервал между ними сократить, — рассказал о планах ОАО «КрасПргород» журналист газеты «Красноярский железнодорожник» Андрей ГРИГОРЬЕВ. — Технический момент остался один — однопутный мост «777», это единственный кусок Транссиба с однопутным трафиком. Для

того чтобы городские электрички и грузовые составы не мешали друг другу, нужен второй путь. Основа моста изначально была приспособлена для строительства в перспективе второго пути. Так вот сейчас этот план начинают реализовывать, причём город на реконструкцию моста не потратит ни копейки. Деньги направят из госбюджета и бюджета РЖД, потому что второй путь на мосту «777» необходим для увеличения пропускной способности стратегически важного Транссиба. Открытым остаётся вопрос строительства пересадочных терминалов и остановочных пунктов. К сожалению, железнодорожники не видят встречных шагов департамента транспорта Красноярска для реализации этого проекта.

Вообще, при всём уважении к участникам дискуссии в КРИТ-БИ, не могу не сказать о заметных попытках большинства из них тянуть на себя «бюджетное одеяло» и наоборот — сбрасывать с себя любую ответственность. Но это лишь отражение сегодняшних реалий: департамент транспорта, например, блестяще это делает на сайте мэрии, отвечая на претензии и предложения горожан. И только две вещи ни у кого не вызывают сомнения: люди будут ездить

всё больше, обеспечение им такой возможности будет стоить всё дороже.

О неочевидности первого тезиса я уже говорил, теперь — касательно второго. В своей частной жизни мы, как правило, гораздо разумнее и экономнее, чем на работе «при должности», поэтому приведу пример из личной практики. Несколько лет назад я жил в Ленинском районе около бывшего кинотеатра «Спутник», а работал на острове Отдыха. У меня было три варианта ежедневных поездок: 1) на своей машине — от подъезда до офиса; 2) на автобусе — от остановки «Спутник» до остановки «Остров Отдыха»; 3) на трамвае — от остановки «Спутник» до Предметной площади и далее пешком до острова Отдыха. Так вот в тех случаях, когда в течение рабочего дня я не планировал дополнительные поездки, я добирался до работы именно третьим способом! Не потому, что мазохист, а потому что древний гремещий полупустой холодный трамвай, двигаясь со скоростью 20–40 км/ч, оставлял позади и переполненные автобусы, и дорогие персональные авто, стоящие в ежеутренней пробке на проспекте «Красноярский рабочий». И даже с учётом пешей прогулки по Коммунальному мосту через Абаканскую протоку я таким «пролетарским» способом добирался до работы гораздо быстрее, чем любым другим! Самый дешёвый и «некомфортабельный» вариант был для меня лучшим потому, что быстрее всего позволял мне добираться из пункта А в пункт Б. На мой взгляд, это главная задача общественного транспорта — быстро перемещать большое количество людей. Всё остальное вторично.

— Когда мы готовили программу развития общественного транспорта, были опрошены пользователи личных автомобилей, которые ездят на них на работу и с работы, — рассказал Александр Фадеев.

До 50% автомобилистов готовы пересечь на общественный транспорт при выполнении определённых условий: комфортабельность, интервал, скорость сообщений и безопасность.

Я бы только на первое место поставил скорость. Те, кто встретил 90-е годы и первые красноярские «маршрутки» уже в сознательном возрасте, помнят, что люди давились в древних неудобных ПАЗиках за Ольские, чем в муниципальном транспорте, деньги именно из-за более быстрого движения и длинных маршрутов, позволявших избежать пересадок и дополнительной оплаты за проезд. Эти параметры — главные для транспорта общего пользования *всегда*.

— Сегодня Красноярск у нас — город для автомобилей, — сказал в ходе дискуссии А. Фадеев. — Им отдано всё пространство, они везде стоят, мешают, а жить, грубо говоря, особо не помогают. Наша задача — сделать город для людей и вернуть автомобилям их функции.

Александр Николаевич верно поставил диагноз. Но в чём причина «заболевания»? Вопреки лозунгу Остапа Бендера личный автомобиль в нашей стране до сих пор не стал средством передвижения. Он остаётся роскошью, любимой игрушкой, мериллом успеха, демонстратором амбиций — чем угодно, только не транспортом! Это наглядно подтвердил в ходе дискуссии известный блогер Василий ДАМОВ, с видимым удовольствием процитировав популярного британского телеведущего Джереми КЛАРКСОНА («Top Gear»): «Я не понимаю такой вещи, как выделенная полоса для пассажирского транспорта. Почему люди, которые зарабатывают меньше, чем я, должны быстрее меня добираться до работы?». В твиттере он развил эту идею, так отреагировав на вопрос девушки, каким автобусом добраться до места дискуссии: «Надо подать идею, чтобы на krskfuture пускали по предъявлению личного автомобиля. Ибо нечего тут...». В меру своего разумения отвечу автолюбителям Дамову и Кларксоу. Задача муниципальной власти во всех здравомыслящих странах (т.е. там, где эффективность меряют полученным результатом, а не количеством потраченных средств) — обеспечить наилучшее функционирование «городского организма» имеющимися (как правило — ограниченными) средствами. Личный автомобиль — самое неэффективное транспортное средство в городе. Один автобус большой вместимости перевозит столько же людей, сколько в среднем 42 легковых автомобиля и занимает на дороге места в 10 раз меньше, чем они! Перефразируя популярный анекдот «про шашечки» — вам «понты» или ехать? Если ехать — добро пожаловать в скоростной трамвай, автобус на выделенной линии, «воздушное метро» или что там ещё?..

А чтобы понять, что там ещё, надо иметь представление о реальных пассажиропотоках в городе. Но это, похоже, тайна за семью печатями, на страже которой нерушимо стоит муниципалитет.

В «Концепции развития пассажирского транспорта...» чего только нет: парковки, диспетчеры, новые автобусы... Но там нет самого главного — данных о пассажиропотоках! Департамент транспорта пишет на сайте мэрии: «В 2011 году проведено изучение пассажиропотока, результаты которого обрабатываются в научно-исследовательском институте...». Возникает логичный вопрос — чего стоит концепция развития пассажирского транспорта, в которой не учтены *пассажиропотоки*? Моделирование *транспортных* потоков, на которое многие ссылаются, — это совсем другое!

В начале дискуссии Егор Задереев напомнил исторический анекдот: «В начале XX века советники лондонского городского управления сделали неутешительный прогноз: к 1930-м годам при сохранении сложившихся темпов роста перевозок, а также численности и мощностей служб очистки города, Лондон окажется заваленным по третьей этаж домов конским навозом!»

Это я к тому, что математики утверждают: если исходные данные неверны, любые дальнейшие вычисления не имеют смысла, и результаты будут ложными.

Андрей КУЗНЕЦОВ

Большая переменна

Как случилось, что в 90-е годы учителя и врачи в нашем государстве перестали быть людьми?

По счастью, времена, когда представители главных для общества профессий месяцами не получали даже своих ничтожных зарплат, ушли. Невелики изменения, но они происходят. Правительство принимает какие-то программы, тасует ставки, морщит лоб над изобретением новых систем вознаграждения за труд, сочиняет законы и крушит устои, поросшие мхом уже десятки лет назад.

Да, осадок от 90-х, до предела унизивших интеллектуальную элиту нашего общества, остался. Однако вместе с тем в последние годы родилось слабое пока ощущение, что положение врачей и учителей меняется в лучшую сторону.

Так ли это на самом деле? Мы решили поговорить о происходящих переменах с представителями обеих профессий.

Вопросы иногда повторялись, однако диалоги получились очень разными и по степени откровенности, и по масштабу обобщений. Но их объединяет одно: отношение наших собеседников к своему делу. Та любовь к нему и самоотдача, которые всегда отличали российских врачей и учителей независимо от вывертов правящего режима и степени одичания общества.

А то, о чём сказано не было, вдумчивый читатель легко прочтёт между строк.

Школа, наше всё

Елена БРОДЕЦКАЯ представляет собой уже третье поколение династии педагогов: её бабушка 35 лет проработала учителем начальных классов и была награждена за свой труд семью медалями, а мама, Инна Михайловна ДАНИЛОВА, «Отличник народного просвещения», преподавала в школе № 47 английский язык, была завучем. Понятно, что Елена Леонидовна знала о труде учителя не понаслышке. И, окончив школу, приняла решение стать педагогом. В 1986 году, студенткой 5 курса КГУ, после прохождения педпрактики Бродецкая пришла в школу № 33 (теперь гимназия № 2), где и работает учителем русского языка и литературы до сих пор.

— Елена Леонидовна, справедливо ли утверждение, что учителям стало легче жить? И если да, то в чём именно?

— С одной стороны, современному учителю стало жить немного легче с материальной точки зрения. Стабильная зарплата, её повышение, пусть и небольшое, да к тому же новая система оплаты труда позволяют творческому учителю, который имеет высокую результативность работы, получать стимулирующие надбавки к заработной плате. Появилась и возможность участвовать в конкурсах на денежное поощрение на федеральном и региональном уровнях...

Сейчас в правительстве говорят о том, что в 2012 году зарплату учителей будут поднимать до «средней по экономике». Конечно, учителя очень надеются на это.

Хотя для настоящего учителя, который любит свою работу, школу, деньги — не главное. И для меня, и для моих коллег, которые работали в школе и в 90-е, это не просто красивые слова. Школа — это наше всё!

Важно, что современному учителю стало интереснее работать. Появилась возможность создавать авторские программы обучения. Хотя для того, чтобы эту программу утвердить, нужно преодолеть множество препятствий, написать кучу бумаг, пройти несколько инстанций...

— Но ведь системное улучшение условий работы означает, что от учителя ждут более качественного труда, а не просто поднимают его бедственное положение...

— Наверное, учитель должен стать другим. Понять потребности современного школьника. А для этого необходимо быть влюблённым в свой предмет, уважать личность ребёнка, быть способным воспринять его точку зрения...

— А какие они, современные школьники? Чем нынешние ученики выгодно отличаются от своих предшественников, допустим, поколений школьников начала 90-х, и в чём они им проигрывают?

— К сожалению, современное поколение мало читает. Нынешним школьникам подчас интереснее провести время в Интернете, чем за чтением книги. Мало настоящих книголюбцев, которые читают «от корки до корки», знают все детали, чувствуют стиль автора. Конечно, многое зависит от учителя. В этом помогают нетрадиционные уроки по литературе (урок-суд над литературным героем, урок-концерт, дискуссия), проектная деятельность на уроке и во внеурочное время, исследования.

Нынешнее поколение отличается, конечно, от предыдущих: это поколение, идущее в ногу с современными технологиями, ориентирующееся в современном мире. Сегодня ученик может выбрать школу, если речь идёт, конечно, о городской шко-

ле. В некоторых наиболее прогрессивных школах ученику могут предоставить возможность выбрать учителя по тому или иному предмету. Но если в 90-е годы дополнительные образовательные услуги были бесплатными, то сейчас, к сожалению, за них нужно платить.

Что отличает современных детей от их сверстников 80-х или даже 90-х годов, так это готовность к более доверительному общению с учителем. Они готовы после уроков засиживаться в разговорах о школе, учёбе и жизни. К счастью, довольно часто учителя становятся для ребят значимыми взрослыми, чьим мнением они дорожат.

— Но ведь сегодня работать стало и труднее? Свяжано ли это с изменениями в обществе, отношением к профессии?

— Профессия учителя — очень весёлая. Не верите? Например, сегодня на уроке. Я: «Саша, сколько «Н» пишется в слове «варен...ики»?». — Саша: «Ну, не знаю. Но вареники с картошкой пишутся точно с одной «Н»!». Такого даже в юмористическом журнале не прочитаешь!

Но на самом деле — соглашусь с тем, что работать учителю стало труднее. Педагога перестали ценить как профессионала, как человека. Стали другими приоритеты у школьников. Уважение к старшим, к учителю часто не поддерживается в семьях. Если в семье неуважительно относятся к школе, это отношение усваивается ребёнком. Поэтому начинать нужно прежде всего с семьи. Ведь родители и дети во всём — в оценках, в поведении, в своей жизни — подчас винят учителей.

Люди предъявляют к профессии учителя довольно высокие требования, что не всегда бывает оправданным. Но при этом родители перекладывают свои обязанности по воспитанию на плечи учителей. Гораздо проще винить во всех бедах школу и намного сложнее признать виновными себя.

Учитель всегда был, есть и будет нужен обществу. Но вот отношение к учителю в современном мире — скорее насмешливое и ироничное, если не сказать пренебрежительное. Карикатурное изображение учителя в фильмах, телепередачах, детском тележурнале «Ералаш» — явление обыденное.

Правда, раз в году, в День учителя, в стране вспоминают, что учитель — важная фигура общества. Вскользь упоминают при этом, что надо бы изменить социальное положение учителя. Но ведь давно пора серьёзно взглянуть на учительскую жизнь и труд! Всем учителям, я думаю, хотелось бы, чтобы статус педагога был выше — ведь от того, кто учит наших детей, действительно зависит будущее.

— А как насчёт повседневной бумажной рутины? Казалось бы, есть компьютеры, технология, но проверять те-

традки нужно по-прежнему?

— Нужно. Работа над ошибками, постоянный контроль — без этого научить грамотности невозможно. Сейчас очень часты на уроках тесты, но ничто не сможет заменить письменной домашней или классной работы. Хотя нынешние дети частенько подходят и спрашивают — нельзя ли сочинение напечатать на компьютере...

Конечно, технологии значительно облегчают работу. Уроки с использованием презентаций, Интернета повышают мотивацию учащихся к предмету, позволяют учителю делать процесс обучения более разнообразным.

С другой стороны, вал работы вырос. Среди требований, предъявляемых современному учителю: высокий процент качества знаний, стопроцентная успеваемость, результативность работы с одарёнными детьми на районном, региональном и всероссийском уровнях; участие в профессиональных конкурсах, обобщение и распространение педагогического опыта. Требуется постоянно повышать квалификацию. Стало больше отчётности, что отнимает много времени. В школах вводится электронный журнал — для его заполнения тоже нужно время. А ведь основной результат работы учителя не измерить цифрами, он в другом — воспитывать думающих, интеллигентных людей...

В этом году у нас появился новый повод для беспокойства: новые правила аттестации. Все учителя высшей категории должны будут подтвердить своё «звание». А для этого нужно написать и собрать много документов...

— Как вы относитесь к тому, что работу учителей, врачей, представителей других бюджетных организаций теперь пытаются отнестись к сфере услуг, «приземлить», просчитать? И как тогда расценивать такую задачу учителя, как воспитание ученика? Остаётся ли она актуальной либо отмирает за ненадобностью?

— Согласно: именно «приземлить», просчитать. Особенно неприятно слышать в расчётах: «умножить на 0,02%»... Это не очень радует, конечно.

Но проблема воспитания всегда будет актуальна. Педагог не только учит и даёт знания, он выполняет и нелёгкую миссию воспитателя, а это не просто работа. Здесь важно всё: и отказ от авторитарного стиля общения, и личные качества учителя, и его профессиональная компетентность, и способность к саморазвитию. Прежде всего, конечно, он должен быть сам примером для подражания, постоянно самосовершенствоваться, искать новые знания.

Я считаю, необходимо изменить соотношение между воспитанием и обучением. Сегодня детям в школе дают очень много информации. А формирование нравственных начал

отодвинуто на задний план... Мы замечаем, что дети часто недоброжелательно относятся друг к другу, не хотят считаться с чужими интересами. У некоторых слабо развита нравственная саморегуляция: не хватает самокритичности, чувства долга и ответственности. Многие ребята имеют заниженную самооценку.

На организацию воспитания, конечно, влияют и внешние факторы: телевидение, радио, газеты не помогают школе, как это было прежде, воспитывать учеников, а наоборот, оказывают негативное воздействие. Коммерциализация культуры не позволяет детям приобщаться к духовным ценностям.

Неважно обстоят дела и с патристическим воспитанием. Дети не испытывают гордости за прошлое и настоящее нашей страны. А ведь гражданин Отечества начинается с гражданина школы... Эти идеи гражданского патриотизма, гордости за свою школу, «малую» и «большую» родину тоже, по идее, должны воспитывать учителя. Но в одиночку школе делать это очень сложно.

— А что могло бы делать государство, чтобы изменить ситуацию в образовании? Нужно ли её менять вообще?

— Менять нужно. Думаю, что необходима социальная поддержка учителей со стороны не только Федерации, но и администрации города, региона.

Школьные коллективы нуждаются в омоложении. К сожалению, при современном положении учителя и его заработной плате молодые педагоги не очень-то спешат в школу. Даже пробовать не хотят, понимая, сколько физических, моральных, нервных усилий стоит каждый день, направленный на то, чтобы «зажечь, увлечь, приобщить к сокровищам знаний» современную молодёжь.

— Что делать с престижем учительской профессии? По-вашему, любят ли учителей у нас в стране?

— В обществе престиж учителя невысок. Но для каждого, кто работает в школе, это компенсируется признанием, похвалой родителей, положительной оценкой коллег и самооценкой.

Дети — они по-прежнему любят своих учителей (хотя не всех: согласитесь, ведь мы тоже разные), родители по-прежнему благодарны учителям своих детей. Но при этом мало кто из родителей хотел бы видеть своего ребёнка учителем.

И ещё. Недаром говорят «Учитель учителю рознь». Мы нередко встречаемся с тем, что один и тот же ученик у одного педагога

работает на уроке творчески и активно, у другого — пассивен, а у третьего ведёт себя плохо, мешает работать другим. Значит, дело не только в ученике, а и в учителе, его профессионализме и личностных качествах. Уважение, как известно, не приходит вдруг — это результат великого труда ума и души. Поэтому школе нужны не просто профессионалы, а настоящие подвижники своего дела, яркие личности, которые способны справиться с трудностями. И ещё необходимо, чтобы такими личностями становились не единицы, не одни лишь передовики и новаторы. Нужно, чтобы массовый учитель поднялся на более высокий уровень профессионально-личностного развития.

— Какие эмоции вызывает у вас ваша работа, меняется ли ваше отношение к ней на протяжении педагогической карьеры?

— Недавно мы с моим 11 В, где я классный руководитель, участвовали во Всероссийском конкурсе «Школа нашей мечты»: проводили анкетирование среди учеников, учителей, родителей, первоклассники рисовали Школу будущего. Создав проект, некоторым результатам мы особенно порадовались. Например, 100% учеников и родителей считали, что в школе будущего обязательно должен быть учитель — «никакой компьютер его не заменит!».

А недавно мои ученицы реализовали образовательный проект «Давайте говорить друг другу комплименты...». Изучив комплимент в произведениях 19 века, девочки создали рекомендацию для школьников «Искусство говорить комплименты». Очень надеюсь, что это повысит школьную языковую культуру.

Вообще, каждый выпуск оставляет след в душе учителя. Особо хочется сказать о моём первом выпуске. Им сейчас по 33 года. Все успешны в жизни, все очень интересные люди. Некоторые уже приводят ко мне учиться своих детей. Каждый раз при встрече говорят столько тёплых слов, что в такие минуты понимаешь: ты работаешь не зря, ты оставил в их душе частичку своей души.

Сейчас у меня опять выпускной класс, очень творческий. Все — члены клуба «Зелёная лампа», который существует 6 лет. Какие только проекты мы с ними не создавали! «Современный Олимп», «В некотором царстве, гимназии-государстве», «Старые сказки на новый лад» — эти сценарии мы писали сами и представляли перед гимназистами. Самый главный вопрос после выступления: «А когда вы будете снова выступать?».

Оглядываясь на свою жизнь, понимаю: именно в этой профессии и в этой школе я нашла себя. С гордостью могу сказать: это МОЯ гимназия.

За 23 года работы я пришла к глубокому убеждению, что главное в деятельности учителя — установление добрых отношений с учениками, взаимного уважения и понимания, создание свободной, творческой атмосферы на уроках. И ещё: каждый ученик — неповторимая индивидуальность, личность, и я должна принимать её такой, какая она есть. Каждый ребёнок талантлив. И, в сущности, что такое учитель? Учитель — это его ученики. Я успешна, потому что успешны мои ученики — победители и призёры районных, краевых, всероссийских олимпиад и конкурсов, научно-практических конференций, социальных проектов и акций. А это для меня — самое главное. Несомненно на все трудности, я люблю свою профессию, люблю детей и не могу представить себя на другом поприще.

Партия в теннис

Елена СЕМЁНОВА не просто врач. Проработав двенадцать лет в педиатрии, в конце 90-х, когда медикам перестали платить зарплату, коренным образом изменила свою жизнь — стала журналистом, а затем и шеф-редактором газеты. Добилась успеха на новом поприще, и не только в журналистике, но и в литературе, получив за свои стихи Астафьевскую премию. Потом поняла, что не может жить без медицины, и вернулась: пришлось полтора года учиться, заново пройти интернатуру. Сегодня работает детским неврологом и продолжает писать.

Высокие технологии и мистика

— Елена Сергеевна, говорят, что учителя и врачи стали жить лучше. Это правда?

— Давайте сразу разделим понятия — финансовую и моральную сторону. С финансовой, на мой взгляд, всё просто: никогда в нашем Отечестве врачи не получали много денег. Врачи и медсёстры всегда работают много, они пашут, извините, как кони! Знаете, что нужно любому из молодых докторов, получающих пять-шесть тысяч? Для него главная задача — купить машину, на которой он начнёт мотаться по всем больницам, дежурить.

Но ведь так было всегда. Мой муж, которому сейчас 62 года, реаниматолог высшей категории, в 70-е одновременно работал в 20-й больнице, много дежурил ночами и подрабатывал на скорой. То есть доктор всегда должен работать больше, чем на ставку, чтобы получать хорошо.

— Качество не страдает?

— В медицине успешны те, у кого напряжённый график работы на качестве не отражается. Наша работа затягивает, муж до сих пор имеет по 7-8 дежурств в месяц. И никто из врачей не уходит на пенсию вовремя, потому что только на пенсии они становятся более-менее обеспеченными людьми. У терапевта, например, 10 тысяч пенсии плюс 15 тысяч зарплата.

— 15?

— Да, это зарплата в стационаре врача высшей категории.

— А говорят, стали лучше жить... Невелик стимул идти в доктора.

— В медицину идут те, кто жить без неё не может. Я в этом смысле «идеальный врач», для меня медицина — любовь, а журналистика — отношения по расчёту.

Журналистика вообще не профессия, а способности, врождённые качества. Что касается медицины, это ремесло, которому надо учиться. Выражение «врач от бога» — лукавство.

— Но есть же талант к медицине?

— Есть связь к биологии. Вспомню своё детство: для меня всё живое было, как космос! Это страсть, которая преследует тебя с рождения. Отношение ко всему живому и особенно человеку, как к самой большой тайне.

— Может, поэтому в медицине семейные династии — такая распространённая вещь?

— Уже не распространённая. Потому что теперь мы переходим к главному — к моральной стороне вопроса. С этой точки зрения врачу сегодня стало жить намного хуже, причём не только в России. Недавно я разговаривала со своей бывшей соседкой, американским доктором. Там ситуация в медицине очень похожа.

— Да? А кажется, что между нами пропасть...

— Терпеть не могу, когда говорят, что в России медицина хуже всех. Это неправда. Медицина в России не только не хуже, она лучше, чем в других странах. Вот пример. В 1-ю детскую горбольницу привезли аппараты УЗИ для диагностики пороков сердца. Американцы приехали их устанавливать. И они не верили своим глазам, когда наблюдали работу наших педиатров. У них уже давно нет специалистов, которые с помощью простого фонендоскопа определяют локализацию порока. У них нет больше такого навыка, а у нас — есть. Советская школа медицины самая сильная в мире.

Сегодня труднее мотивировать студента аускультативно изучать «музыку» сердца, поскольку перед ним будет стоять аппарат УЗИ — там всё видно, как на ладони.

Работу невролога тоже изменили высокие технологии. Любому врач должен знать анатомию, но невролог — в мельчайших подробностях. Существует такое понятие, как топический диагноз: патология

определяется по внешним признакам — где, в какой части системы произошёл сбой. Так вот, сегодня всё ближе к народу становятся томографы — диагностика облегчается, врач больше полагается на аппаратуру.

Что из этого следует? Когда медицина становится высокотехнологичной, снижается потребность в интеллекте врача, его интуиции, в знаменитом чутье, когда хирург после операции смотрит на больного и думает: «Он мне не нравится». У больного нет внешних признаков ухудшения, показатели в порядке, но хирург начинает анализировать ситуацию и находит-таки причину своей тревоги. Вот таких чудесных озарений у нас становится всё меньше и меньше.

Не только врачи, но и население меняется. Оно тоже технологизируется.

— Оно ещё и в Интернете спросит.

— К чему и веду разговор.

У нас в медицине всегда соображали все кому не лень. «Фельдшеризм» в народе давно распространён.

Но сейчас, когда у людей в руках Интернет, они вообще машут на докторов рукой. И медицина реально становится обслуживающей профессией, в ней пропадает магия. Перед тобой на приёме сидит клиент, а не больной.

— Врач становится посредником между аппаратом и больным?

— Отношение к врачу со стороны больного действительно стало другим. Особенно в первичном, самом важном звене — к педиатрам и терапевтам. Больной начинает считать врача кем-то из obsługi, кем-то вроде официанта. А это глупо, на мой взгляд. Потому что медицинская профессия — всё равно мистическая. Очень многое в выздоровлении зависит от духовного взаимодействия «врач — больной». И этот контакт между врачом и больным сегодня исчезает.

Русская рулетка и чиновники

— Хорошо, диагностика облегчается во всём мире. Но ведь главное — лечение?

— Когда я вижу объявления в газетах, что родители собирают деньги на лечение ребёнка от лейкоза за границей, мне горько, потому что онкологические заболевания везде лечат одинаково. У нас в Красноярской лечат лейкоз так же, как в Израиле, но у нас не практикуется пересадка костного мозга детям, потому

что там колоссальный процент смертности. Мы не можем так рисковать. А за границей берутся, за деньги там готовы на всё.

— Но ведь это шанс выжить.

— Русская рулетка — тоже шанс. Врачи не должны так работать.

В тот же время при любых операциях, например, есть какой-то процент смертности, даже при аппендиците. И когда в

прессе поднимают сумасшедшие скандалы по поводу гибели от, казалось бы, не слишком серьёзных причин, почему мы, медики, не разделяем с населением и журналистами градус эмоций? Потому что это тот самый процент, статистика. Её не обойдёшь. Например, от осложнённого гриппа в крае каждый год умирают один-два человека, по непонятной причине. Это ещё одна медицинская тайна.

— В том, что отношение к врачам меняется, государство играет какую-то роль?

— Конечно. Действия государства мне не всегда понятны. Вот какая проблема сейчас самая страшная в нашем обществе? Не финансовая — денег в стране полно, а демографическая. И мы её решаем. Есть материнский капитал, какие-то льготы молодым семьям, государство строит перинатальные центры, которые оснащаются самой современной аппаратурой. И вот идёт реклама в СМИ — мы будем выхаживать 500-граммовых младенцев... Что из них вырастает, кто-нибудь задумывается?

Например, в одной из городских детских больниц тысячи долларов вложили в отделение для недоношенных и тяжело травмированных в родах детей. Так это выглядит: евроремонт, шикарные условия для мам, палаты размером со спортзал, кюветы по последнему слову техники, в которых лежат младенцы — в основном, очень тяжёлые.

И вот разговаривая я с одним из докторов: каковы результаты? Она разводит руками: в среднем здоровым становится один из десяти. Остальные — инвалиды. Никто не может предсказать, какой именно ребёнок «высочит», это та же русская рулетка. Поэтому возникает моральная дилемма: с одной стороны, необходимо пытаться вытянуть всех. С другой, страшно становится от такой статистики.

Раньше, если недоношенное дитя задышало, его клали в лебяжий подушечку — и на печь. И оно там себе лежало, выживает — так выживет. И ведь гении вырастали из недоношенных — ДАРВИН, например, НАПОЛЕОН.

Сегодня медицина сильна, может очень многое. У нас есть аппаратура, прекрасные

шек и дедушек, которые будут страдать до конца дней, глядя на больного ребёнка?

И очень печально, что доктора не могут сопротивляться. Приказали выхаживать — значит, будем. Врачи с чиновниками не спорят. А я, например, наивно не понимаю, как наш краевой министр — врач, может подчиняться человеку без медицинского образования? В каком виде медики доносят свои чаяния ГОЛИКОВОЙ? Кто работает переводчиком?

Убедена: пока в Кремле сидит «непрофильный» министр, в здравоохранении не изменится ничего. Хорошо, хотя бы РОШАЛЬ выступил с критикой. Медики ликовали. Даже если у доктора Рошалья есть какие-то свои интересы, всё равно ему больше верят. Он — в теме, он врач, он вырос у постели больного.

— То есть от государства один вред?

— Нет, конечно, перемены к лучшему происходят.

Помню лица врачей на открытии нашего кардиоцентра. Когда доктор работает в нормальных условиях, имеет достойную зарплату — это очень хорошо...

Чёртовы конфеты и жрецы

— И как расценить эти перемены к лучшему — как расчёт государства с медициной по старым долгам либо как аванс на будущее, который должен подстегнуть врача делать работу более качественно?

— Если брать зарплаты, перемены эти ничтожны и не для всех. Медики — высокоинтеллектуальное профессиональное сообщество. Чтобы стать врачом, нужно одолеть горы специальной литературы. И когда в стране имеется два миллиона высокоинтеллектуальных работников, которые всего боятся, нищенствуют, которые принимают у больных эти чёртовы конфеты, это очень плохо и очень смешно. Когда государство не уважает врача, народ тоже его не уважает.

А качество работы... Существует некая грань. До того, как молодой специалист не почувствует себя таким рабом, он будет на работу идти, как на праздник. Но как только поймёт — у него нарастает раздражение. Ведь он шесть лет учился, чтобы стать врачом. Учился, чтобы получить унизибельные гроши?

— И что осознавший себя рабом делает в результате?

— Постараюсь объяснить на примере. Недавно в крае двухлетний ребёнок погиб от перитонита. В смерти такой, я считаю, всегда есть вина матери. Ни одна женщина не готова это принять, но это вина матери. Потому что существует чётко прописанный закон: все дети до 3 лет с болями в животе должны помещаться в больницу для наблюдения на сутки-двое. Ни один специалист никогда не отпустит такого ребёнка из стационара просто так. Он возьмёт с матери расписку, что она отказалась от госпитализации. Он сидеть в тюрьме не хочет и законы знает.

А теперь такой нюанс. Женщина, забравшая ребёнка, который к утру уже в критическом состоянии был доставлен в больницу и умер от перитонита, обронила такую фразу: «Врач не слишком меня уговаривал». И тут я могу ей поверить. Когда ты видишь мать и говоришь ей: «Надо остаться в стационаре», а она отказывается, — вот тут и выступает на первый план такая штука, как невидимое, неподсудное, не имеющее юридической силы качество работы врача. Врач всегда психолог и всегда священник. Если ты очень хочешь, ты уговоришь её не совершать глупостей. Но раб неблагодарной работы устал тратить свои душевные силы.

Если допустить, что врач действительно не тратил время на разговоры, получается странная вещь: он чист перед законом, не должен отвечать за гибель ребёнка, он абсолютно прав. Но он не прав!..

— Он должен встать рядом с пациентом.

— Да, всегда. Потому что у нас общая цель. Недавно и в моей практике был случай — у ребёнка менингит, но мать так и не позволила сделать ему пункцию. На уговоры ушла куча времени, ведь пункция не просто диагностическая процедура, она ещё и приносит облегчение малышу. Но мать отказалась: начиталась в Интернете ерунды, что пункция опасна. И что делать? Врачи устали убеждать людей, которые не хотят им верить.

Недавно вот актриса ЗАХАРОВА потеряла 8-месячную дочь. Пишут, что это был случай безнадёжный, менингококковая инфекция, но ведь неделю ребёнок лечился дома! Не исключено, что у матери были такие мысли: вот пойду, в Интернете почитаю...

Надо понять главное: сегодняшнее отношение к медицине нас, врачей, ранит, а больных — убивает.

— Ну а как быть с врачебными ошибками? В последнее время они случаются всё чаще...

— Да что вы! Их стало намного меньше — медицина развивается. Просто в прессе о медицине стали больше говорить, доступность и скорость распространения информации выше. Но всё это, я считаю, очень вредит обществу. До тех пор, пока медицинское сообщество не станет защищаться юридически от обвинений со стороны СМИ, пока люди, которые безответственно бросают обвинения, не научатся фильтровать каждое слово, — будут страдать больные.

Например, в каждой американской клинике есть свой юрист-менеджер. При малейших признаках конфликта, при любом брошенном обвинении он занимается урегулированием ситуации. Если врач действительно виноват, он будет мгновенно уволен с работы: клиника защитит свою репутацию. И наоборот: клеветнику придётся раскошелиться — клиника не оставит ложь безнаказанной.

В нашей ситуации со всеми этими упреками в адрес врачей есть ощущение отчаяния. Люди скребут себе на хребет, они не понижают, что недоверие — это всегда взаимный процесс. Бог не играет в сквош со стенкой, это всегда партия в теннис.

— Но если врач действительно виноват в смерти больного?

— Под ошибками в подавляющем большинстве случаев подразумевается тот самый статистический процент осложнений, о котором говорила выше. Заболевание не всегда протекает типично. Тот же аппендицит у маленьких детей может проходить вообще без боли — аппендикс тихо лопаётся, и возникает разлитой перитонит. Чаще не врач, а боженька делает ошибки.

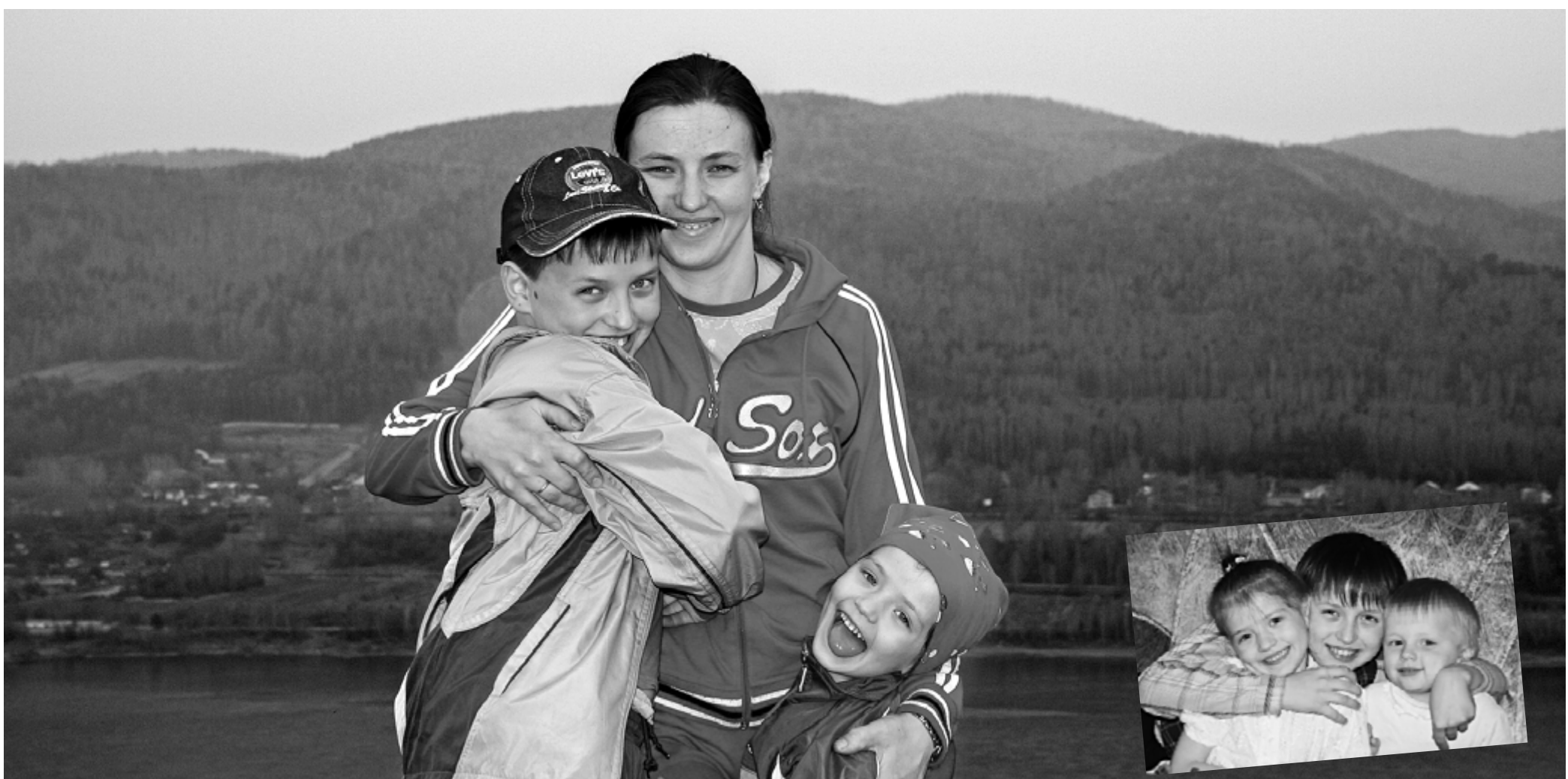
Да, бывает и вина врача. И на этот случай, считаю, есть такое решение, как СРО — саморегулируемая организация. Нужны СРО медицинских работников, которые должны разбираться во всех спорных случаях, платить компенсацию пострадавшим, принимать меры к виновникам. Только врач может разобратся в том, действительно ли причина проблемы — в лечении.

— Ну, не зря же у нас медики — это отдельная каста.

— Кастовость — это то, что я люблю в медицине больше всего. Она начинается уже с первого курса, рождается от ощущения, что тебе доверяют отцу. Тебя будто бы посвящают в жрецы, надел белый халат — и ты уже в касте! И нет здесь никаких «понтон», ведь в медицину с головой погружаются те, у кого нет брезгливости к людям, а есть сочувствие, желание прийти на помощь. Я помню, как наши мальчишки плакали, глядя на детей, больных раком, как на третьем курсе мы тужились вместе с мамками, присутствуя впервые на родах...

Учиться врачеванию страшно интересно. И это ощущение причастности к высшему знанию несравнимо ни с чем.

Материалы подготовила
Татьяна АЛЁШИНА

Главные ценности семьи Лапко

В комнате восьмилетней Антонины на самом видном месте — рисунок «Моя семья». Как и положено: родители и четверо детей. И цифры сверху: 1,2... 4,5,6,7. «А почему «3» пропустила? — искренне удивляется отец. И тогда Тоня для недогадливого папы подрисовывает в маминим животике ляльку: вот вам и «3»!

На фоне «бородатого» демографического кризиса в России (проблема обозначена аж с начала 90-х!), в свете коэффициентов рождаемости, смертности и прочих пугающих терминов, наше государство пытается спасти своё существование, в том числе и с помощью материнского капитала, социальных пособий и т.д. Говорят, что благодаря всем этим мерам легче стало жить многодетным семьям.

Тем временем сообщество многодетных, зная об этих мерах, выражает своё мнение в блогах: «Если хочешь понастоящему большую семью, рассчитывать нужно только на свои силы. Государство в этом деле плохой помощник. Никакой материнский капитал, пособия разовое или ежемесячное (в тех объёмах, что предлагает наше «заботливое государство») не компенсирует затраты на детей — ни материальные, ни моральные, ни физические...». Многодетные семьи объединяются между собой и в жизни, и во Всемирной паутине — так легче выжить... Для них путь решения демографической проблемы — восстановление старинных ценностей, бережное отношение к семье, к родному очагу.

Почему одни семьи предпочитают иметь одного-двух, а другие — много детей?

«Абсолютно точно известно, что генетически это никак не предопределено, — отвечает на мой вопрос главный врач Красноярского краевого консультативно-диагностического центра медицинской генетики Татьяна ЕЛИЗАРЬЕВА. — Как правило, много детей рожают женщины, не имеющие образования...».

«Феномен «многодетности», в случае, конечно, если семья социально благополучная, имеет место только там, где по-настоящему, всем сердцем любят детей!», — считает известный красноярский акушер-гинеколог, главный врач городской больницы № 4 Альбина ФОКИНА.

Вопреки стереотипам

Дверь квартиры мне открыла сама Ольга. Через секунду её уже облепили со всех сторон ребяташки: Антонина, Афанасий, Анна (сын Александр находился в этот день в больнице). И вот мы уже сидим в просторной гостиной и беседуем «за жизнь», самая младшая Анечка (два годика) на руках у Ольги, а в это время сзади Тонечка расплетает и снова заплетает красивую мамину косу.

Лапко опровергают все расхожие представления о много-

детных семьях. Оба супруга — с высшим образованием. Ольга — искусствовед, а её муж Василий — доктор технических наук, профессор, автор около 100 научных работ. Живут в новом многоэтажном кирпичном доме в Академгородке, рядом сосновый бор. Трёхкомнатная квартира стараниями родителей перестроена в четырёхкомнатную (чтобы детям было удобнее). Современный дизайн, скромно, но со вкусом.

И Ольга, и Василий родились и выросли в Красноярске, причём не в многодетных семьях. Встретились в Политехническом институте на дискотеке. Стали дружить, потом обвенчались в Покровском соборе. Ольге тогда было всего 19 лет, а Василию 22. Как две капли воды похожи друг на друга. Поначалу продавцы в магазине думали, что они брат с сестрой, но когда супруги обзавелись потомством, окружающие поняли — семья.

Мы сидели и разговаривали, и, глядя на Ольгу и ребяташек, даже не поворачивался язык спросить — и как это вы решились? Или: большая семья — это осознанно? И без того понятно: дети для неё — это всё: «Появляется ребёнок, значит, так Господь дал. Я человек православный».

Секреты выживания

Каждое утро Ольга встаёт в 6.00, готовит завтрак, ведь муж (он заведует кафедрой в Аэрокосмическом университете) уезжает на работу в другой конец города рано, когда ещё на дорогах нет пробок.

Дальше многодетная мама включает «автопилот»: Афанасия — в детский сад, Анечку — к доктору, Тонечку — за уроки. А Сашеньку... «У Санечки врачи обнаружили тяжёлую болезнь, когда ему было 11 лет, — Ольга опускает глаза. — Это наша боль, сейчас ему 13, он учится на дому, периодически лежит в стационаре. 13 ноября был Сашин день рождения, и врачи отпустили его на неделю домой — отмечали событие всей семьёй. Ребяташки по нему очень скучают...»

— Ольга, сейчас так много денег уходит на продукты — как вам удаётся рассчитать бюджет?

— Семья большая — и кастрюли большие! Один раз в неделю, обычно в пятницу, мы отправляемся на машине на базу. Макароны берём не по 34, а по 19 рублей, крупу, фрукты — всё ящиками — так дешевле выходит. Я и сама получаю водительские права и когда необходимо — сажусь за руль. Выручает картошка, которую мы садим на арендованном участке, да овощи, собранные на огороде у обеих бабушек.

— Экономия на продуктах — выход, а вещи?

— Дело в том, что у нас в Академгородке многодетные семьи — не редкость. Многие красноярцы даже удивляются: воздух у вас или почва какие-то особенные? Часто гуляя с детьми, мы знакомимся друг с другом. Работает сарафанное радио: обмениваемся одеждой, обувью, книгами. Кто чем может.

Пока мы говорили, пятилетний Афанасий расставил на доске шахматы, приготовился к игре.

— Премудростям игры в шашки и шахматы обучил наших ребяташек дядя Ваня — Иван ТИМОФЕЕВ, тоже многодетный папа, — поясняет Ольга. — Его семья недалеко от нас живёт — у них тоже четверо детей.

— Я слышала, что вы ходите время и силы, чтобы водить детей на музыку, танцы...

— Тонечке очень нравилось танцевать, однако недавно мы вынуждены были оставить это занятие. Академия танца — частная студия, но мы всё же находили деньги на обучение до того момента, пока на очередное концертное выступление не потребовали сшить дочке платье за 2,5 тысячи рублей и заплатить за билет на этот концерт 150 рублей. Получилась размолвка с педагогом. Временно пришлось танцы отложить... Отдали дочь в музыкальную школу учиться игре на балалайке. А тут возьмись, да и случись у Антонины ещё один стресс — ушла из гимназии её любимая учительница. Возвращается она однажды из школы и говорит: «Мама, пойду я на балалайке поиграю, хоть успокоюсь...». Так у дочери появилась отдушина и новое увлечение в жизни. Совсем недавно наша балалаечница на первом концерте в музыкальной школе на сцене выступала! А Саша у нас играет на скрипке.

— У вас тоже есть музыкальное образование?

— Я в детстве окончила музыкальную школу по классу «фортепиано», а потом и музыкальное училище им. М. Горького. После Красноярского госуниверситета поступила в аспирантуру: очень хотелось написать кандидатскую диссертацию на философскую тему — синтез искусств. Особенно меня привлекает православное храмовое творчество. Планирую защищаться, когда появится больше свободного времени. Незавершённое дело нужно доводить до ума. По гештальтпсихологии структура, форма должны быть законченными, закрытыми.

Помоги себе сам

— Ольга, в нашем обществе так много говорится о поддержке семьи (про пособия и материнский капитал опустим). Тут и бесплатные лекарства для детей до 6 лет, и бесплатный проезд в автобусе, и льготы на питание, и бесплатное обеспечение школьной формой... Вы действительно всё перечисленное получаете в полном объёме?

— Бесплатные лекарства? Формально такой порядок установлен, и несколько раз я даже пыталась получить препараты по льготному рецепту. Но выходило каждый раз примерно одно и то же: «Лазолвана по льготе сегодня нет, приходите через неделю!». Разве может больше ребёнка ждать неделю? Конечно, всё покупаешь сразу за полную стоимость и несёшь на всех парусах домой. Точно

так же и с лекарствами для ребёнка-инвалида. То одного препарата в списке нет, то другого — если хотите, говорят, берите за свой счёт.

Бесплатный проезд в городском транспорте — отдельная песня. Доходит до смешного: садись с детьми в автобус, и контролёр тут же начинает считать по головам посадочные места. Говоришь ему: «У меня две ноги! Я могу посадить на колени только двоих детей. Что делать?». Контролёры начинают ругаться, мол, нет на ваш счёт особых указаний и правил. Кто из детей потянет — тот будет стоять, Тонечка всегда стоит. Мы-то решили транспортный вопрос благодаря собственной машине, а другие многодетные? Почему эти щекотливые моменты никто не продумал и не предусмотрел в законе? Понятно ведь, что не всем многодетным по карману личный автомобиль...

Получаем льготное школьное питание и единовременную выплату на школьную форму — 1,5 тыс. рублей. Выплачивают нашей семье и компенсацию по квартплате на ребёнка-инвалида. А вот школьные эксперименты с дополнительными платными часами английского языка (на самом деле принудительно-обязательными) — не все многодетные семьи могут «потянуть». Объединившись в негласный союз, мы отстаиваем права своих детей как можем.

— По закону от 04.12.2008 № 7-2542 «О регулировании земельных отношений в Красноярском крае» многодетная семья имеет право на бесплатное получение в собственности земельного участка. Вы воспользовались этим правом?

— Уже несколько лет мы с мужем пытаемся получить участок земли за городом. Конечно, здорово, когда есть возможность побыть на свежем воздухе, покопаться в земле... Но не решается этот вопрос, хотя документы уже несколько лет пылятся в городской администрации. Либо предлагают слишком удалённые участки в Емельяновском районе, либо земли совсем непригодные. У нас законы зачастую не совпадают с реальностью. Иногда, в минуты отчаяния, думаешь: может быть, и вправду государство наше замешано не на тех идеалах, и не стоит ждать от него помощи...

В ожидании чуда

Ольга — классическая мама. Были бы живы Леонардо да Винчи или Рафаэль Санти, наверное, именно с неё писали бы Мадонну... Спокойный, ровный характер, готовность прийти на первый детский зов. Удивительно, но ребяташки слушают её, хотя она не повышает голоса: «Афоня, сбегай, надень колготки». Через пару минут сынишка прибегает — уже надел! «Тонечка, ты приготовила уроки?» — дочка мчится со всех ног с тетрадкой в руках — показать маме.

— Я стараюсь на них не кричать, — делится опытом моя собеседница. — Если всё время кричишь — дети к этому привыкают и перестают реагировать.

Важно найти золотую середину. Если я рассердилась не на шутку, они очень тонко чувствуют интонацию и делают то, о чём я их прошу — вот это здорово!

На ночь она читает детям сказки: «Недавно «Конька-Горбунка» осилили. Понравилось!». Все дети у Лапко словно сказочные персонажи. Афанасия называют богатырём — сокрушительно-разрушительная энергия бьёт через край, Сашу — умницей, Тоню — рукодельницей... Мама хорошо знает, о чём мечтает каждый ребёнок в ожидании Нового года.

— Мы не часто балуем детей подарками — признаётся Ольга. — Но к Новому году хочется, чтобы их желания сбылись. Например, Афанасий давно мечтает, чтобы Дед Мороз принёс ему настоящую боксёрскую грушу и перчатки. Он спортивный у нас, сильный, родился весом более четырёх килограммов! Тонечка мечтает о красивом сундучке для рукоделия и одновременно о роликовых коньках со всеми прибабасами. Анютке будет легко угодить — она куколочек любит заворачивать. А Саше — нужна хорошая книга и общение со сверстниками.

— Ольга, у вас остаётся хоть немного времени на себя?

— В православной литературе написано, что Господь даёт больше возможностей в годах — желает прожить дольше тем людям, которые не ради себя, а ради других живут. Зачем потребительство в себе взращивать, когда уже Господь и так много дал? В меня много вкладывали в детстве — пришла пора передавать. С детьми вместе поём, рисуем, играем на музыкальных инструментах, в шахматы режемся. Хорошо, когда выдаётся день, и можем всей семьёй отправиться куда-нибудь в лес. В Академгородке действительно особая атмосфера: нас окружают интересные личности — учёные, художники, музыканты... В прежние годы мы каждое лето ездили в Киргизию, на Исык-Куль. В паспорте мужа, хотя он и русский, в графе «место рождения» указан город Фрунзе. Предки у него были гуманитарии: бабушка — педагог, а дедушка Василий Афанасьевич в своё время работал директором школы и основал музей в деревне Петропавловка, недалеко от Бишкека. В том музее хранятся уникальные экспонаты — медальон Чингисхана, статуэтка Будды и многое другое.

— Оля, ваша старшая дочь мне призналась, что хочет стать ветеринарным врачом. В родне были медики?

— Моя мама работала фельдшером на скорой помощи. Но думаю, тут дело не в генах, просто дочка очень любит животных.

— Правда, что по весне у вас в семье ожидается прибавление?

— Тонечка не пошутит. И она уже морально готова разделить свою комнату с Аней — придётся поставить двухъярусную кровать. Пока ещё не знаем, мальчик родится или девочка, но очень-очень ждём!

Где искать культуру

Помню, как одна моя знакомая в начале 2000-х уезжала в столицу на пмж. Преподаватель университета, выпускница Красноярского государственного института искусств, профессиональный музыкант, она мечтала о Москве, совсем как чеховские героини — сёстры Прозоровы.

Будто билет туда — пропуск в невиданное счастье, к успеху, свободе, а самое главное — к культуре. Той, что вызревает, как вино, исключительно в древних городах, пропитанных пылью столетий. «У них есть консерватория, на каждом шагу музеи и картинные галереи, одних театров — около семидесяти. Звёзды, которых мы видим только в журналах и на экране, ходят по улицам и ездят в метро. Там цивилизация, а у нас — нет», — объясняла свой выбор бывшая красноречка, собирая чемоданы.

Желая разобраться в вопросе «Правда ли, что за культурой следует ехать в столицу?», я встретила с молодой красноярской художницей, аспиранткой и преподавателем Красноярского государственного художественного института Марией ВОРОНОВОЙ.

— Мария, давайте для начала попробуем определить границы нашего разговора. Культура может быть...

— Во-первых, художественной. Могу сказать, что развитие основных тенденций идёт одинаково, что в Москве и Санкт-Петербурге, что в Красноярске. Даже в чём-то красноярцы идут с опережением. Совсем недавно был замечательный эпизод: отделение графики нашего института проводило выставку студенческих работ в Московской государственной художественно-промышленной академии имени С.Г. Строганова. Это один из старейших и наиболее авторитетных в России художественных вузов. Москвичи были впечатлены. Они не ожидали, что в глубинке, где-то в Сибири сохранилась школа, воспитывающая интересных графиков.

Ещё один знаковый пример: в МВДЦ «Сибирь» прошла выставка-конкурс «Молодая Сибирь». Участвовали художники не старше 35 лет. Столичных гостей, приезжавших на открытие, просто поразили уровень работ и то, что это не пылившаяся в записниках коллекция, собирающаяся десятилетиями, а недавно созданные вещи.

Я бы сказала, московская художественная школа выхолащивается. В ней накапливается усталость. С другой стороны — столичный зритель лучше осведомлён, куда ему пойти «за искусством». Как правило, большинство местных жителей в курсе, что и где им искать.

В Красноярске ситуация иная. Музеи рассредоточены, а главное — не всегда заинтересованы в рекламе и привлечении зрителя. У нас это времяпрепровождение для избранных. Тех, кто не ленится искать информацию или просто происходит из семьи с определёнными культурными традициями. Недавно мой студент сказал: хорошо было бы собрать всё красноярское искусство в одном мегацентре, огромном, как музей Гугенхайма в Нью-Йорке. Нечто вроде музейного гипермаркета. Странная мысль, хотя в ней есть свои плюсы. Попытки такого рода уже делает Красноярский музейный центр на Стрелке. Только вот запутанные интерьеры и специфическое освещение не позволяют адекватно экспонировать классические полотна и скульптуру, поэтому в КИЦ ходят приобщаться в основном к современному искусству.

— А если захочется взглянуть на классические произведения?

— То идёшь на улицу Парижской коммуны в Красноярский художественный музей. А за представлениями о сибирском характере, о российской истории, за той самой «сермяжной правдой» лучше направиться в дом-музей В.И. СУРИКОВА.

— На художественную культуру влияет темп жизни в разных городах?

— Конечно. По моим личным ощущениям, жизнь в Санкт-Петербурге течёт быстрее, чем в Красноярске, примерно в два раза. А москвичи «ускоряются» раза в четыре по сравнению с

сибиряками. Это иногда даже противоестественно. За суетой теряется внутренняя суть жизни, в том числе — культурной.

— И как тут поговорить о роли Интернета и IT-технологий в современной культуре?

— Эта роль двойственная. С одной стороны, искусство в некотором смысле обесценилось, став доступным благодаря виртуальным экскурсиям. За пару часов можно «прогуляться» по Лувру или музею Прадо. Исчезла необходимость Пути к искусству. Зрители перестали быть паломниками, едущими на край света, чтобы увидеть чудо, пообщаться с шедевром. С другой стороны — и это возвращает нас к теме разговора — виртуализация искусства размывает границы географические, социальные, экономические. Красноярцы имеют доступ ко всем новинкам не только российской, но и мировой культуры. И опять же, это ведёт к тому, что мировую культуру (те же работы Микеланджело и Рафаэля) мы знаем лучше, чем творчество сибирских художников.

— А ещё Интернет позволяет демонстрировать собственные результаты творчества.

— И это принципиально отличается от того, как раньше художники изыскивали возможность устроить выставку в городе. Нужны были выставочные площадки, обязательно было членство в Союзе художников, такая сеть устных договорённостей плелась, просто паутина. Сейчас выставить в Сети можно что угодно. Но зрителю здесь как повезёт: можно увидеть настоящее искусство, а можно и некачественные поделки.

— Какое столичное культурное событие вам запомнилось? Ну, скажем, из последних?

— Открытие Большого театра, конечно.

— Скандальное вышло мероприятие.

— Точно. Вот ещё один пример, что в «столицах» не всё так гладко и усыяно розами, как кажется. Премьерный показ «Руслана и Людмила» прошёл под крики «позор!» и «enough!» («хватит!»). Я не против современных прочтений классики, просто в культуре должны быть неизменные ценности. Экспериментируйте на малых сценах, на специальных авангардных площадках. И оставьте Большому его роль символа, проводника классического искусства. Почему такие игры вообще стали возможны?

Работы М. Вороновой ↑ ↗ ↘

В советский период были так называемые худсоветы. Существовало чёткое понимание того, что находится в рамках художественного вкуса, что эстетично, а что — нет. Определённый процент «брака» отсеивался. Жаль, что сейчас дела обстоят иначе. И ещё, мне кажется, виновна вечная российская погоня за западными тенденциями. Раз в Европе и Штатах культивируют свободу самовыражения — так у нас вместо замка волшебницы Наины на сцене появляется бордель. Не слишком ли?

— По техническим возможностям мы не отличаемся от жителей столичных городов, а с точки зрения внутренней свободы — мы обладаем ею в меньшей степени?

— Да, к сожалению. Сибиряки сами поддерживают мифы о своей провинциальности и о райской жизни в столичных городах. Хотя, мне кажется, в последнее время эта тенденция угасает. Становится больше успешных людей, не стремящихся уехать в Москву, «потому что там априори лучше». Дело ведь не в месте, а в том, как человек живёт, работает, о чём мечтает. Есть стратегия малых дел, когда

стараясь сделать что-то значимое, хорошее в регионе, где родился. Например, художник Зорикто ДОРЖИЕВ в 2002 году с отличием окончил Красноярский художественный институт, кафедру живописи (мастерская А.М. ЗНАКА). Сейчас его работы хранятся в частных собраниях в России, США, Германии, Австралии. Он — мастер мирового уровня. Выставки идут одна за другой: Канны, Монако, Москва. Если вы посмотрите на его работы, поймёте: человек пишет

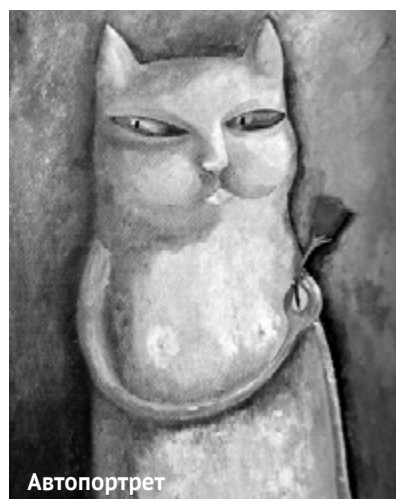
Картина Зорикто ДОРЖИЕВА

духовную историю своего народа, поёт красками на холсте свою национальную песню, и это получается так честно и самообытно, что в нём заинтересована и Москва, и Европа, и Штаты. Насколько мне известно, у З. Доржиева в Бурятии появился менеджер или даже меценат, продвигающий его творчество.

— А как обстоит дело с меценатством в Красноярске?

— Такие люди есть. Просто многие из них предпочитают не афишировать свою деятельность. Как правило, меценатство начинается с общения состоятельного бизнесмена, банкира, представителя власти с конкретным художником. Сразу оговорюсь: если человек обращает внимание именно на современное и местное искусство — это знак большого перемена в его мировоззрении. Это совершенно не то, что вкладываться в «яйца Фаберже» или самую дорогую картину в аукционном прайсе. Наши меценаты — люди образованные, умные, избегают шумихи вокруг себя. Радует, что их с каждым годом становится больше. Художникам очень нужны союзники в продвижении их работ.

Нельзя назвать меценатом в полном смысле слова покойного директора художественного музея им. В.И. Сурикова А.Ф. ЕФИМОВСКОГО. Это был подвижник, с невероятной энергией собиравший коллекцию работ художников, в том числе красноярских, 70-90-х годов, которая теперь передана

Автопортрет

в собственность музею. Он мог бы по своим каналам, благодаря личным знакомствам, доставать «модную» живопись из столичных коллекций, но не стал. Напротив, доказывал ценность сибирской художественной школы.

Очень хочется, чтобы другие местные музейщики и галеристы избавились от комплекса провинциалов. Это же предрасудок чистой воды — считать, что всё ультрасовременное делается исключительно в мировых столицах.

— Давайте сделаем шаг в сферу культуры личностной, культуры общения. Сопутствующие штампы: петербуржцы — интеллигентны, отзывчивы, жить не могут без Эрмитажа, мыслят без Европы. Москва, мыслят — палаточные и пробивные, во всём ищущие свою выгоду, «понаехавших» не любят...

— Да, так говорят (*смеётся*). Я год жила в Санкт-Петербурге, постоянно бываю в Москве в исследовательских целях и поняла: там больше, чем у нас, ценят качественное высшее образование. И гопник — персонаж скорее комический. А в Красноярске часто встречаю людей, для которых сериал «Реальные пацаны», идущий на ТНТ, это не юмор, а каноничное описание их действительности.

Я не чувствовала принципиальных культурных отличий,

общаясь с московскими, петербургскими, парижскими художниками. Москвичи только несколько завидуют сибирской искренности — у нас время идёт медленнее, мы можем позволить себе роскошь поразмыслить, отдохнуть, пофилософствовать. И ещё, мне кажется, они боются конкуренции: приезжих не любят лишь потому, что те могут занять чьё-то нагретое место.

Конечно, невозможно не меняться, живя в Петербурге или Париже. Эти города потому не отпускают, что культура там проявленная, концентрированная, встречающаяся на каждом шагу.

Я говорю об архитектуре, например. Проходя мимо Лувра каждый день, ты волей-неволей выпрямишь спину и проник-

ДОСЬЕ

Воронова Мария Викторовна.

Образование: Красноярский государственный художественный институт, специальность — художник по керамике (1999-2004).

Аспирантура: тот же институт, специальность — изобразительное, декоративно-прикладное искусство и архитектура (2007-2010).

Место работы: КГХИ, должность — старший преподаватель.

Курсы: история культуры и искусств, история зарубежного искусства и культуры.

Тема диссертации: «Театрально-декорационное искусство Красноярска и Иркутска: становление и развитие в 20-90-х гг. XX в.». Научный руководитель: кандидат искусствоведения, профессор Е.Ю. ХУДОНОВА.

Хобби: путешествия.

ненься определёнными ценностями. Станешь адептом западноевропейской культуры.

— Это, наверное, и есть та разновидность культуры, за которой просто необходимо ездить именно в столицы?

— Вот тут у меня нет сомнений: обязательно нужно, если есть такая возможность, посещать столичные города ради зданий, площадей, оформленных великими мастерами, ради фонтанов типа знаменитого римского «Треви». Этих впечатлений Красноярск не может дать по объективным историческим причинам. Никто и не требует. И это именно развивающее путешествие, а не бегство «в цивилизацию».

— Жителей европейских столиц воспитывает блестящая рукотворная среда — палатки и стоящие на улице статуи эпохи Возрождения. А что воспитывает сибиряков?

— Природа. Горы, река, море зелени. Это главные устойчивые источники красоты вокруг нас. Не зря в сибирской художественной школе так мощно представлена пейзажная живопись. Очень люблю монументальные работы Б. РЯУЗОВА, Т. РЯННЕЛЯ. Но мы живём в нестабильную эпоху, поэтому художники обратились к внутреннему миру человека, к исследованию предметной среды, к камерности портрета.

В Красноярске делает первые шаги стрит-арт, искусство граффити. Вдруг на стенах заброшенных домов появляются настоящие картины. Меня это радует.

— А какие виды искусства сейчас популярны в Москве?

— Популярно искусство инсталляции. Англичанин Дэмьен ХЕРСТ, автор скандальных и даже отталкивающих натурализмом работ, провозгласил: «Чтобы современный зритель заинтересовался искусством, его нужно ударить по голове», то есть, шокировать, напугать. Столичные художники следуют этому тренду и выставляют совместно с западными коллегами экспонаты — один страшнее другого. Либо... остаётся «Салон». Официальное «придворное» искусство А. ШИЛОВА, И. ГЛАЗУНОВА: портреты дам в мехах, милых кукольных ребяташек с котятками. «Прослойки» между этими крайностями в столице почти не существует. Красноярское искусство в разе спокойнее, умиротвореннее, «жизненнее», если так можно выразиться.

— Как с культурой общения у красноярцев?

— Есть стереотип о неуклюбных сибиряках, и он иллюстрирует нашу страстность, как ни странно. Мы неприветливы и, может быть, не очень обходительны в повседневном общении с посторонними людьми и сослуживцами, элементарное бытовое хамство тоже не редкость. Но уж если нам кто-то понравится (причём порой немотивированно, спонтанно) — всё, будет всплеск буйной привязанности, сердечных разговоров по душам. Примерно так же мыслят черногорцы и другие славянские народы за исключением поляков, судя по моему опыту. Для западноевропейцев нормой является ровное доброжелательное и предупредительное отношение ко всем без исключения. Они улыбаются профессионально, чтобы избежать конфликтов и не доставлять друг другу дискомфорта. Это подкупает. Помню, в Германии я не успела подойти к пешеходному переходу — автомобили тут же остановились, хотя горел красный свет, и водители имели полное право продолжать движение. Как с этим обстоят дела у нас — вы знаете.

— Что вы делаете, чтобы ваши ученики не обладались комплексом провинциала?

— Пытаюсь научить их свободно мыслить, не устанавливаю жёстких ограничений. Помимо работы в вузе я веду частные уроки. В коллективе дети «подстраиваются», «усредняют» свои способности, а на персональном занятии каждый раскрывает свою индивидуальность. Занимаясь сейчас с одним трёхлетним мальчиком, я вижу, что он обожает всяческую технику. В творчестве это выражается системностью. Персонаж в его работах обязательно окружён логически связанными предметами. А другой мой ученик в прошлом году нарисовал мистическое и странное «Рождество»: персонажи чертами лица и фигурами напоминали то ли инопланетян, то ли людей-аутистов. Космос на листе бумаги. Меня это поразило. У всех детей изначально свой взгляд на мир.

И ещё — важно знакомить маленьких красноярцев с местным искусством: не поленились сводить в музеи на каникулах, чаще бывать на выставках, культурных мероприятиях. Только тогда у них сформируется представление о том, что культура — это не абстрактное нечто, за которым нужно ехать на край света, а в том числе то, как мы общаемся друг с другом, какие произведения искусства создаём и как их воспринимаем. И у этой культуры нет канонического адреса, она просто у нас «внутри».

Татьяна МОРДВИНОВА

Онкология наступает?

Чего только не говорят об онкологии... Пожалуй, самое популярное в последнее время: «Все люди умрут от рака, но не все до него доживут...». Есть и другое: «Рак — приговор, и заболевший им — обречён». Кто в это не верит — идёт к врачу, а кто верит — ищет помощи у травников, целителей, магов... В Интернете подобных «помощников» сколько угодно... Там вообще можно найти оригинальные толкования причин заболевания. Например, «...любое опухолевое образование обязательно имеет астрально-ментальный план». Но верно одно — от рака не застрахован никто.

«Мне нравится моя работа, я оптимист, веду активный образ жизни и вовлекаю в это других. Люблю открытых людей с чувством юмора. Не люблю, когда люди «отрываются от земли», ведь даже законами природы предопределена сила тяжести, а мы в большинстве своём не космонавты», — так представил себя в Интернете главный врач Красноярского краевого клинического онкологического диспансера имени А.И. Крыжановского Андрей Арсеньевич МОДЕСТОВ. Именно сего приходом на должность руководителя в 2010 году у этого учреждения появился собственный официальный сайт. Заполнился вакуум в информационном краевом поле в разделе «онкология».

Статистика

На сайт onkod.krasgmu.ru стекается важная информация от «первичного звена» (поликлиник, женских консультаций, врачебных амбулаторий, ФАП) и от пациентов. Главный врач и другие специалисты почти ежедневно консультируют больных на форуме. Лечебные учреждения записывают жителей края на приём по электронной почте (reg@onkolog24.ru).

— Процент заболеваемости в Красноярске ниже, чем в среднем по России. Как вы считаете — это плохо или хорошо? — спрашивает, вместо того чтобы отвечать, Модестов. — В прошлом году в Красноярском крае зарегистрировано 317 случаев рака на 100 тысяч населения, а в России 364 на 100 тыс. (в Евросоюзе 450). Краевой показатель — ниже российского и общевропейского, но это не означает, что люди меньше болеют. Просто мы хуже выявляем эту патологию. Рост заболеваемости характеризует эффективность работы первичного звена, особенно при выявлении заболевания на ранних стадиях.

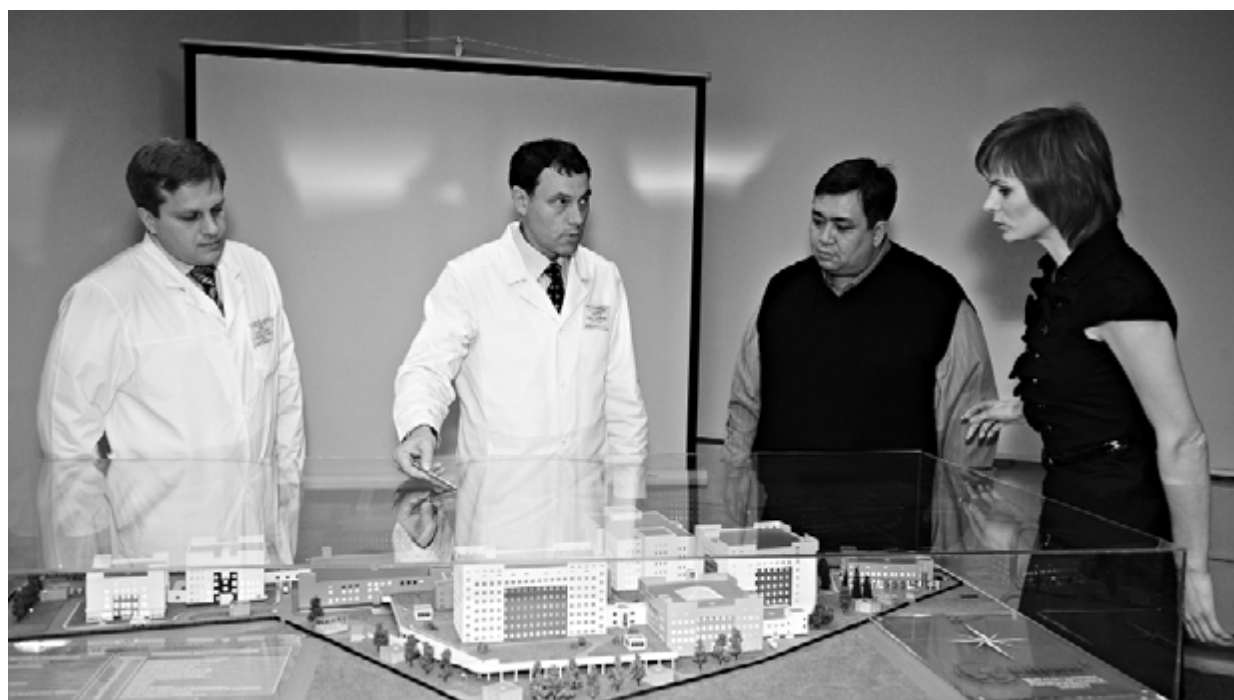
В России на первой стадии выявляют 47,8 %, в крае — 36%, а в Европе — 51%. У нас, выходит, хуже.

Наступает ли онкология? Судя по количеству выявленных в России случаев — наступает, но этого пугаться не надо. Главное, чтобы смертность не росла. А смертность удалось остановить в 2010-м по сравнению с 2009-м годом в нашем крае на 0,3%, и это уже хорошо. В прошлом году в крае умерло от рака 6050 человек, что составило 209,2 случая на каждые 100 тыс. населения (это печальное второе место после сердечно-сосудистых заболеваний). В России — 206 случаев на каждые 100 тыс. населения.

Сам за себя

За своё здоровье каждый отвечает сам, а врач — только помогает. Зачастую человек идёт в больницу, когда уже совсем немощен. Но ведь в случае с раком молочной железы (этот вид патологии один из самых распространённых) женщина сама может нащупать образование от 2 см и больше. Чтобы злокачественное образование достигло такого размера, может пройти от пяти до десяти лет. Поэтому очень важно, чтобы каждая женщина (особенно после 40 лет) проходила один раз в два года маммографическое обследование.

— Андрей Арсеньевич, я обзвоню несколько красноярских поликлиник: маммографы есть далеко не в каждой, хотя установка компактная

и наверняка не бешеных денег стоит, как, например, рентгеноаппарат...

— В рамках программы модернизации предполагается оснастить маммографами каждую поликлинику по месту жительства. На сегодняшний день в государственной лечебной сети края более 30 маммографов. В Красноярске по одному аппарату есть в каждом районе. Хотя цифра охвата этими исследованиями женщин краевого центра оставляет желать много лучшего. С одной стороны, они сами не идут к доктору, а с другой — если и обращаются по разным поводам в поликлинику, то не всегда врачи проявляют онкологическую настороженность, а ведь маммограф помогает выявить опухоли от 50 мм. На ранних стадиях эффективность лечения очень высока.

Недавно в одной из поликлиник Красноярска у врача выявили рак молочной железы III В-стадии (это когда на ощупь можно определить уплотнение). Начали выяснять, как такое могло случиться, и ужаснулись: участковый терапевт держал своего коллегу на больничном по другому заболеванию, и не удосужился осмотреть молочную железу, мол, больная не жаловалась. Здесь не нужно аппаратуры — достаточно внимательных глаз и рук врача!

— Всё-таки рак не приговор, просто многие обращаются к онкологу на поздних стадиях заболевания. Они чувствуют боль и терпят?

— Не всегда что-то болит, бывают другие симптомы, например, увеличенные лимфоузлы, опухоли на шее, образования на коже. Кстати, визуальные формы рака составляют 40% от всех форм. Рак кожи занимает третье место в России и в крае в том числе. На первом месте рак лёгкого, на втором — молочной железы.

Если говорить о коже, то многие новообразования лежат на поверхности и видны невооружённым глазом. Если вы приходите к врачу, он обязан вас хотя бы раз в год раздеть и с головы до ног осмотреть. Зачастую из-за бумажной волокиты и больших очередей доктор старается быстрее принять пациента, спрашивает, какие жалобы, уточняет симптомы и, не осмотрев больного, пропускает онкологическую патологию. Тем временем злокачественные клетки начинают распространяться по всему организму с кровью, лимфой... Поэтому очень важно, чтобы люди были внимательны к себе. Видит человек у себя подозрительное образование — надо показаться врачу, а не ждать, когда оно увеличится в размерах или заболит, или что-то начнёт из него выделяться... Есть предраковые признаки, например, если поражено лёгкое, то непроходящий кашель, выделение крови, одышка, боль в груди — это элементарные вещи, которые должны обеспокоить человека.

Мифы и реальность

— Говорят, что рак легко выявить по анализу крови?

— По одному анализу нельзя судить о наличии рака. Морфологический диагноз может быть получен только путём биопсии, когда берут и смотрят клетки. Другие же показатели могут косвенно свидетельствовать, что здесь надо искать отклонения от нормы в виде злокачественного образования. Например, метод простатспецифического антигена (ПСА) — это маркер рака предстательной железы,

позволяющий выявить заболевание на самых ранних стадиях. Достоверность этого метода от 70 до 90 процентов. Если показатель выше норматива, то пациенту должны сразу направить к онкологу.

— Может ли человек обратиться напрямую в онкодиспансер, минуя своего участкового врача?

— В феврале этого года вышел министерский приказ 68-орг, в котором прописан порядок направления на консультацию в диспансер. Первичный осмотр и минимальный перечень обследований (анализ крови, мочи, УЗИ органов, флюорографию) человек должен пройти в поликлинике по месту жительства, в женской консультации или в диагностическом центре. К нам большого направляют на консультацию для постановки диагноза и лечения. Краевой онкодиспансер — это высокотехнологичное лечебное учреждение и нужно использовать его возможности рационально.

— Есть мнение, что рак передаётся по наследству...

— Например, если рак молочной железы был у матери, то вероятность его у дочери — в десять раз выше. А если и мать, и сестра этим переболели, то — в 50 раз выше риск.

— А половым путём рак передаётся?

— Доказано, что рак шейки матки передаётся при незащищённом половом контакте. Виной всему вирус папилломы, носителями которого являются как мужчины, так и женщины.

— Я читала, что 90% из нас являются носителями этого вируса... Почему одни заболевают, а другие нет?

— Раковые заболевания — это и врождённые, и приобретённые поломки генов. Когда иммунитет или эндокринная система дают сбой, это приводит к болезни. У каждого человека такая беда может случиться. В крае действует программа, по которой в следующем году у нас будет привито от вируса папилломы 200 девочек из неблагополучных семей. Это немного, но всё-таки...

— Слышала, что после 60 лет рак не так стремительно прогрессирует. Правда ли это?

— К нам поступают пациенты разных возрастов. Приходилось оперировать 80-ти и даже 90-летним! В крае принят министерский приказ 459-орг. Выделены три фактора — пол, возраст и наличие того или иного предракового заболевания. Подробно указано, какой объём обследований надо проводить каждому человеку в зависимости от возраста, потому что с годами рак встречается чаще. Как определённые сорта рыб водятся в тех или иных водоёмах, так и рак водится в определённых возрастных группах. Чем больше возраст, тем длиннее список обследований. Участковым врачам предписано хотя бы раз в году отправлять пенсионеров на медосмотр.

Хождения в народ

— В этом году я побывал в 38 районах края, — рассказывает Модестов. — Если сяду в своём кабинете и буду только команды раздавать — много ли толку... Проехал по городам и весям, своими глазами увидел, что где творится. Мне важно, чтобы медицинский персонал и сами больные в районах увидели, насколько серьёзна проблема, и поняли, что нужно всем миром на неё навальнуться.

Помню, приехали мы в Партизанский район и в один из

сёл, в беседе с участковым терапевтом, выясняем, что на его участке живут-поживают два человека, у которых патология видна невооружённым глазом. Участковый врач нам говорит: «Они не хотят в город на лечение ехать!». Отправились на поиск этих больных. Заглянули сначала к пенсионерке бабе Наде. У неё в том месте, где правый глаз — огромная шишка. Побеседовали. Через две недели она к нам приехала, её прооперировали — опухоль оказалась доброкачественной. Теперь ничто не мешает бабуле хорошо видеть, читать, словом — жить. А на кочегарку, где работал другой больной, мы приехали в обеденный перерыв — там никого не оказалось. Но мы не сдались и нашли жену кочегара, поговорили с ней серьёзно, и она убедила мужа поехать в онкологию. Состояние у него оказалось тяжёлым. На шее обнаружили опухолевое поражение лимфатических узлов. Больного прооперировали, сейчас он получает химиотерапию.

Врачи должны уметь убеждать. Нас ещё со студенческой скамьи учили сначала исключить рак, а уж потом искать другие болячки. Онконастороженность должна быть у каждого доктора, независимо от специальности. Вот сейчас много говорят, что у нас со стоматологией всё в порядке: и оснащение, дескать, хорошее, и материалы. А я так не считаю! Запущенные стадии рака ротоглотки — 75%! Как стоматолог лечат зубы? Почему не смотрят на десны, губы, миндалины, нёбо? Ведь это их зона ответственности.

На днях я был на совещании в Москве, где руководство здравоохранения России било во все колокола, говоря о запущенности рака по вине «узких» специалистов: стоматологов, колопроктологов, гинекологов, хирургов.

И в районах я просил медиков: идёте в семью к ребёнку — не поленились, хотя бы раз в год осмотрите родителей, бабушек, дедушек.

Страшилки

«Вы когда-нибудь видели наши страшилки?», — главврач протягивает «наглядную агитацию» — безобидный, на первый взгляд, цветной буклетик. Открываю. Одна часть лёгкого словно обгорела. На следующей странице ещё фотошок: один глаз заплыл, нос провален. Следующие страницы сморщить я отказалась — не для слабоумных.

— Иногда полезно пугать. Это всё реальные люди, которые жили в семье, даже ходили на работу. Почему на это никто из окружающих не реагировал! — возмущается мой собеседник. — Мы раздали эти страшилки участковым врачам и фельдшерам. Формат удобный — можно в карман положить, когда идёшь на приём. Если заметили что-то подозрительное у своего пациента — открыли, сравнили — вот и польза. Да и самим пациентам, которые капустный лист считают панацеей от всех опухолей, тоже можно показать.

— Не так давно «страшилкой» был и сам поход в переполненный краевой онкодиспансер: огромные очереди, узкие коридоры — почти по Солженицину...

— Удалось за последние два года сократить очереди примерно в три раза. Раньше люди по четыре месяца ждали госпитализации. Мы могли бы делать и больше операций, но пока некуда поставить дополнительные столы, а стены не раздвинешь усилием воли.

— В этом году началось долгожданное строительство первой очереди нового комплекса диспансера, как оно продвигается?

— Наше учреждение попало в федеральную адресную инвестиционную программу на три года (2011-2013). По 100 млн рублей в год на строительство выделяет Федерация. Первые 100 млн мы уже получили, 811 млн нам перечислил краевой бюджет в этом году. Далее предполагается ежегодное финансирование в пределах одного миллиарда рублей. Первая очередь — это лечебно-диагностический комплекс, где будет оперблок на 17 хирургических столов (сейчас их 9). Весь новый диспансер — это 100 тысяч квадратных метров — 12 современных корпусов с просторными холлами и коридорами, с высокими потолками. При проектировании в 2010 году учитывалось и мнение врачей: нам хотелось, чтобы ничего на пациентах не давило психологически (в старом диспансере — всего 6 корпусов — прим. авт.).

Прогресс в онкологии

— Интересно, как продвинулась наука в лечении рака? Какие новые методы применяют в краевом онкодиспансере?

— В настоящее время учёные Сибирского федерального университета, Института медицинских проблем Севера и Красноярского мединститута пытаются создать аптамеры — искусственные антитела, которые могут служить онкомаркерами рака лёгких.

У нас делаются высокотехнологичные операции на голове и шее с использованием никелититановых сплавов — это пластика после удаления больших участков кожи. Если взять абдоминальную хирургию, т.е. операции на органах брюшной полости, то мы выполняем пластику пищевода. Например, удаляем часть органа, а с помощью лоскутов из толстого кишечника и желудка формируем замену.

Уникальные манипуляции на печени и поджелудочной железе делает наш ведущий хирург Сергей Михайлович СЕЛИН. На его счету более 500 операций. В чём уникальность? Органы хрупкие, но врач нашёл хирургический поэтический путь, когда можно восстанавливать участки, которые будут продолжать работать, пусть не в том объёме, как раньше, но орган компенсирует свою функцию.

Если раньше мы стреляли из пушки по воробьям и всем подряд назначали классические курсы химиотерапии, то с внедрением иммуногистохимической методики подбираем конкретный препарат под каждого пациента, учитывая тип и чувствительность клеток. Наблюдаем рост продолжительности и качества жизни наших больных. Некоторые уже 30-40 лет живут. В нашей базе — более 48 тысяч пациентов.

— Что ещё нужно сделать в системе, чтобы обеспечить доступность и качество медицинской помощи в первичном звене? Если человек идёт к доктору в частный диагностический центр — ему могут компенсировать затраты?

— В настоящее время принят новый закон об обязательном медицинском страховании. В программе госгарантий могут принимать участие и частные учреждения, они должны только раз в году подать заявку и далее по тарифам ОМС бесплатно оказывать населению диагностическую и лечебную помощь. На такие обследования, как УЗИ, компьютерная томография и МРТ, нам в этом году выделили квоту в клинике Медуниверситета, центре «Медюнион».

В настоящее время потребности в врачах-онкологах на территории края — около 50%.

В 2011 году по сравнению с 2010-м почти в два раза больше студентов поступило в ординатуру и интернатуру в КрасГМУ на специальность «онкология».

Вера КИРИЧЕНКО

Возможности и опасности фронта

Встречаются два социолога, итальянец и русский. Похоже на начало старого анекдота? Что ж, почему бы и нет. Продолжаем: один учится, другой — работает, он — в тёплом Гарварде, она — в холодной и гордой Сибири. И говорит один другому...

Но хватит интриговать читателя! Представляем наших сегодняшних собеседников.

Роберто ФОА — докторант Гарвардского университета и сотрудник ассоциации Всемирного исследования ценностей; в настоящее время ведёт курс об образовании государств в Высшей школе экономики в Санкт-Петербурге и работает научным сотрудником Лаборатории сравнительных социальных исследований инкубатора современных количественных социальных исследований в России.

Анна НЕМИРОВСКАЯ — кандидат социологических наук, доцент отделения социологии и связей с общественностью СФУ, ассоциированный сотрудник той же лаборатории (единственный представитель в ней Сибири).

Беседа состоялась в Сибирском федеральном университете, куда Роберто приезжал в ноябре с циклом лекций, посвящённых причинам и последствиям формирования государств в Евразии. Речь зашла о Сибири и об отличительных чертах евразийских государств, включая любопытную идею «пограничного общества».

А.: Чем Сибирь заинтересовала западного учёного?

Р.: Я думаю, что для большинства жителей западных стран слово «Сибирь» — синоним чего-то далёкого и изолированного, и это само по себе делает регион интересным. Когда я думаю о Сибири, то представляю ГУЛАГ, безбрежные просторы и суровые погодные условия. Однако социолога здесь привлекает нечто совершенно иное! Ведь это естественный эксперимент по заселению территории! В Сибири мы можем наблюдать результаты миграции целых национальностей во время сталинской эпохи (например, депортация калмыков, немцев и поляков в 1940-х годах) или исследовать целые города, основанные узниками лагерей, такие как Норильск или Магадан. Очевидно, что с точки зрения этики мы никогда не сможем оправдать подобные эксперименты. Но у нас есть шанс изучить последствия этих событий. Особенно интересно то, как отравляемые в Сибирь люди распространяли здесь, на новых землях, свои нормы и ценности.

А.: Каковы ваши первые впечатления от Сибири? Оправдались ли самые страшные ожидания?

Р.: Меня удивило, в какой степени в Сибири действительно есть это ощущение «культуры пограничья», «общества пограничья». Во многом обстановка напомнила мне отдалённые регионы Америки — Аляску, северо-запад Канады, где люди привыкли справляться сами, не дожидаясь одобрения далёкого центра. Вплоть до мелочей: то, что так много людей живёт в лесу, ходит на рыбалку, на охоту, занимается зимними видами спорта... Есть что-то невероятное в огромных пространствах, которые видно с самолёта: они переходят в города, в пригороды, отражаются в самих людях, создавая ощущение лёгкости, неформальности, определённую прямоту и прагматизм в общении. Думаю, если хочешь здесь выжить, по-другому и нельзя.

А.: Вы упомянули «выживание», но разве нынешние условия жизни в Сибири можно так назвать? Восточная Сибирь, благодаря индустриализации и огромным запасам природных ресурсов, это один из наиболее развитых регионов России. Есть много отдалённых и малонаселённых территорий в нашей стране с гораздо более суровыми экономическими и климатическими условиями. В 2008 году Красноярский край попал на 11 место среди 80 регионов России, а Томская область оказалась даже шестой...

Р.: Верно! И здесь я бы добавил, что «пограничная культура» определяется не материальным благополучием, но тем, до какой степени людям исторически приходилось приспособляться к условиям неопределённости вдали от сложившихся центров политической власти. Тезис о «культуре пограничья» («фронта») был выдвинут Фредериком Джексонном Тёрнером, американским антропологом, который в конце девятнадцатого века предположил, что американская идентичность и ценности возникли благодаря опыту заселения перемещающейся западной границы-фронта, ведь поселенцам необходимо было стать более индивидуалистичными, полагаться на себя, стать более агрессивными — и при этом более зависимыми от взаимного сотрудничества, чем от действующего правительства или принятой иерархии. Я думаю — хотя это лишь моё предположение, — что нечто подобное можно найти в культуре русского Востока, который тоже необходимо было заселять, причём находясь в... сомнительных и неопределённых условиях.

А.: Согласно, есть особые черты сибирского национального (!) характера, особый менталитет и убеждения, которые формировались на протяжении столетий. Об этом много писали. Но важно отметить ещё как минимум два момента — историю заселения территории и её многонациональный уклад: в Красноярском крае проживает 157 этнических групп. Самые крупные из них: русские, украинцы, татары, немцы... Не только экономические, но прежде всего исторические обстоятельства создали совершенно особую атмосферу, в которой сформировались современные сибиряки.

Р.: Могу только согласиться! В Сибири очень заметен переход между европейскими поселенцами, прибывавшими волнами миграции, и множеством коренных групп населения. И опять же — это ещё одно поразительное сходство Сибири и фронтальных зон Южной и Северной Америки! Существование совершенно разных народов могло вначале усиливать небезопасность проживания для ранних поселенцев, но сегодня всё совершенно изменилось.

А.: Думаю, идею заселения «восточного фронта» в России хорошо иллюстрируют данные о самоидентификации сибирского и русского населения.

Большинство опрошенных жителей Красноярского края и Республики Хакасия (59%) идентифицируют себя со своим селом или городом. Менее трети (31%) респондентов идентифицируют себя со всем Красноярским краем. И ещё меньше доля респондентов, которые идентифицируют себя со всей Россией (17%).

Между тем более половины жителей Красноярского края (57%) и Республики Хакасия (52%) считают москвичей «далёкими чужаками». Это говорит о том, что жители Восточной Сибири не довольны «колониальной политикой» Москвы, хотя это чувство ещё не переросло в массовый сибирский сепаратизм.

Р.: Это тем более интересно изучать! Кстати, подобные «антиидентичности» можно заметить и среди американцев на Юге США или на Среднем Западе. Там же можно увидеть их противопоставление себя как «настоящих» американцев «неправильным» европеизированным американцам с восточного и западного побережья. Интересно узнать, есть ли что-то похожее в отдалённых регионах России?

А.: Мне вспоминается одна дискуссия между европейскими и американскими учёными прошлым летом: эксперты по Советскому Союзу и постсоветскому пространству обсуждали, к какому типу культуры относить русское общество — европейскому, азиатскому или евразийскому.

ровали с местным, так сказать, «азиатским» населением, только укрепил это самовосприятие.

Дебаты о том, принадлежит Россия к европейским, азиатским или евразийским обществам, длятся уже очень давно, и у меня по этому поводу нет какого-то твёрдого мнения. Хотя в своих лекциях я показывал, что отличительной особенностью общества евразийского типа является длительное время образования государств, которое объясняет целый ряд характеристик, таких как благоговение перед властью, иерархией, высокий уровень общественного порядка, господство светской власти над религиозной, принятие повышенного налогообложения и перераспределения благ. При этом в поселенческих обществах в Америке, Африке, Австралии преобладает «пограничная» культура, которая характеризуется большей неформальностью, индивидуализмом, предприимчивостью и отсутствием чётких границ и правил.

А.: Так Россия — это общество евразийского или пограничного типа?

Р.: Ну, если в моём анализе и есть какая-то ирония, то она состоит как раз в том, что Россию, которую постоянно ставят в центр так называемой «Евразии», нельзя отнести к идеально-типическим евразийским обществам. Лучший кандидат на эту роль, скажем, Франция, Персия или Япония. Это государства с долгой историей и сильной бюрократией, чёткими границами, сильной национальной идентичностью и более укоренённым чувством социальной солидарности.

Россия же находится где-то между «государством» и «фронтиром». С одной стороны, она имеет долгую историю ещё со времён Московии, наследие которой обнаруживается в запутанной и централизованной бюрократии, элитных учебных и научно-исследовательских институтах, в масштабном военном аппарате. Но с другой стороны, чем дальше ты от центра, тем очевиднее становится, что Россия — это общество фронта, поселенцев, как Соединён-

точной Сибири были известны своей толерантностью к другим религиям и культурам, своей решимостью и независимостью. Более того, я бы даже сказала, что люди здесь более открытые, прямые и искренние в своей повседневной жизни... Этика взаимности и сотрудничества также может объясняться пограничными условиями.

Р.: Я думаю, что это вполне возможно, тем более что существует давняя традиция, восходящая к трудам ДЕ ТОКВИЛЯ («Демократия в Америке») и РУССО (второе «Рассуждение»).

Эта традиция утверждает, что сложные условия естественной среды могут вызвать у поселенцев положительный моральный эффект, так как эти условия благоприятны для усиления духа свободы, взаимности и доверия. Многие авторы, изучавшие «пограничные культуры», рассматривают их как освобождающее и прогрессивное явление на глубинном уровне.

Однако должен отметить, что этика самообороны может с лёгкостью перерасти в этику агрессии, поэтому граница всегда является местом опасности и насилия (и здесь показателна статистика убийств в Сибири). А отсутствие иерархии и порядка, необходимых для процветания гражданского общества и сетей взаимной поддержки, объясняет наличие клиентелизма в политике и организованных преступных групп. Как только вы ограничиваете влияние государства на людей, вы тут же получаете много социального капитала, как «плохого», так и «хорошего», где «плохой» социальный капитал — это закрытые группы, действующие по правилу «или мы — или они».

То есть, в отличие от Джексона Тёрнера, говорящего о преимуществах пограничного общества, я скорее склонен согласиться с Норбертом ЭЛИАСОМ, который говорит о «государственном обществе». По крайней мере, его идея о «процессе дивилизации» — это, по сути, повествование о том, как монополия государства на принуждения приводит общество к более высокому уровню порядка, стабильности, мира и культурной утончённости.

И когда американские писатели рассказывают о привлекательности фронта, они обычно забывают, что на протяжении всей истории было гораздо больше людей, которые предпочитали безопасную и стабильную жизнь в Лондоне, Лиссабоне, Санкт-Петербурге, а не жизнь на американском Западе, в Амазонии или в сибирской степи...

Так что, пожалуй, нет абсолютного критерия для выбора того или другого.

А.: А что бы выбрали вы?

Р.: (улыбается) Ну, это зависит от обстоятельств — иногда одно, иногда другое. Но тот факт, что я сейчас здесь, в Сибири, говорит о том, что я, по меньшей мере, считаю «фронт» поистине завораживающим местом.

Перевод
Татьяны МОРДВИНОВОЙ

В электронной версии газеты беседу можно прочесть также на английском языке

Я была поражена, узнав, что некоторые западные коллеги уверены, будто русские на самом деле могут считать себя азиатами. Меня удивило и то, что многие западные учёные в области общественных наук не видят культурного разнообразия российского общества и его европейских корней, не понимают его сложной идентичности. То, что люди поселились в глубине евразийской части России много веков назад, ещё автоматически не делает их «евразийцами» или «азиатами».

Р.: Это можно понять. Дальний Восток в России — это поселенческое сообщество, а поселенцы, как правило, отождествляют себя с тем местом, откуда они приехали, а не с тем, где живут. Учитывая, что эти места заселились европейцами, вполне естественно, что население причисляет себя именно к Европе. А тот факт, что долгое время переселенцы контакти-

ные Штаты, Мексика, Бразилия. И страдает она от тех же недугов: местничества, очагов преступности, территорий коренного населения, практически неподконтрольных государству, трудностей с налогообложением и так далее.

Конечно, в какой-то степени это касается всех стран, но особенно — крупных государств с отдалёнными и неуправляемыми границами, таких, например, как Россия. И это мне, как исследователю, интересно!

А.: Если учесть существование сибирского менталитета, то отдалённость от «центра» вполне может рассматриваться как преимущество. Тот факт, что с давних времён эти места заселялись мигрантами, приезжавшими не только по своей воле, привёл к определённым различиям в базовых ценностях и убеждениях сибиряков по сравнению с россиянами в целом. На протяжении веков жители Вос-

Ломоносов

Рубрику ведёт доктор филологических наук Т.В. ШМЕЛЁВА, профессор Новгородского университета им. Ярослава Мудрого

Вот уж о ком говорили и писали в этом году, так это о Ломоносове. И немудрено: 300 лет со дня рождения. И безотносительно к юбилейным разговорам это слово — ЛОМОНОСОВ — входит в лексикон интеллигентного человека. Ведь сама университетская образованность начинается у нас с Ломоносова.

Это просто неразрывно связано — университет и Ломоносов. И потому, что крупнейший и известнейший университет носит его имя и использует его для наименования награды, конференций, олимпиад... И потому, что всем известно высказывание Пушкина: «Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом». И потому, что в Сибири постоянно вспоминают его пророчество о том, чем будет прирастать могущество России...

Что произошло с этим фактом нашего лексикона в этом году, который, кстати, ЮНЕСКО объявлен Годом Ломоносова, что

делает эту дату фактом мировой культуры?

Прежде всего, имя Ломоносова стало популярным, одним из ключевых слов момента. Его присутствие в Интернете исчисляется миллионами. Оно просто висит в воздухе, повторенное миллионы раз. Каждая школа, каждая библиотека, уже не говоря о вузах, сделали что-то такое, что заставило звучать это имя. А смысл всех этих говорений — в том, чтобы приблизить к нам эпоху Ломоносова, его жизнь и труды.

Думаю, в этом году у Ломоносова — самый высокий читательский рейтинг. Его разнообразие по тематике труды перечитали люди самых разных наук. И многие из работ Ломоносова теперь существуют виртуально. Включил в свою электронную библиотеку его работы, например, Институт лингвистических исследований. В Ижевске создали корпус Ломоносова — оцифровали полное собрание сочинений 1150 текстов, больше миллиона слов — и найти каж-

дое из них можно мгновенно; для этого работали много лет. Журфак МГУ (имени Ломоносова!) разместил на своем сайте текст Ломоносова «Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенное для поддержки свободы философии».

Портреты Ломоносова можно было увидеть повсюду, например, на программке торжеств по поводу 300-летия Ломоносова в Пединституте Славянка-на-Кубани, города, про который не надо говорить, где он находится — так красноречиво его название. Студенты старались перевоплотиться в современников Ломоносова с помощью костюмов, прекрасно читали его стихи, даже пели на три голоса, перемежали свои рассказы об ученом танцами под музыку XVIII века... Но самое удивительное, что филологи этого института провели конкурс работ о Ломоносове среди школьников, и его финалисты выступали перед всеми со своими... одами! Понятно, кому они были посвящены. В них было стремление говорить высоким стилем, выразить восторг, который, Ломоносовски говоря, «ум пленил». Мне кажется, что все эти поэтические опыты — конечно же, наивные — дорогого стоят. Человек всю жизнь будет помнить, что он в 7 классе оду написал! И Ломоносов ему всю жизнь будет не чужим человеком.

Вот в этом и смысл юбилейных говорений: кто не только слушал, но и сам что-то сказал о юбиларе, приблизился к нему. И мы все приблизились.

Не только фамилия Ломоносов звучала повсюду. Вспоминали и его современников: кто его учил, спорил с ним и терпел его критику... Адоуров, Третьяковский, Сумароков, Миллер, Шумахер, Шувалов, Елизавета Петровна и Екатерина...

Чаще звучали названия мест, связанные с биографией учёного: Поморье, Архангельск, Двина, Холмогоры, деревня Ломоносово, в которой он родился и которая тогда была Денисовкой. И к ним присоединился город Ломоносов, который до 1948 был Ораниенбаум, а сейчас отмечает своё 300-летие.

Вдруг вышло из пассивного запаса слово обоз: Архангельский обоз, Ломоносовский обоз — так называли свой способ отметить 300-летие те, кто прошёл путём знаменитого помора до Москвы.

Особым вниманием пользовались слова, к судьбе которых Ломоносов «руку приложил»: формула, горизонт, чернозём, опыт, движение, явление, земная ось, оптика, предмет, кислота, частица, дрожание и взрывные (о звуках), предложный (о падеже). Одни он брал из чужих языков и приспособлял, другие «строил» из родного — славянского или русского — материала,

но все вошли в русский словарь с его легкой руки. Их специалисты насчитывают до полусотни.

Но юбилей — не только говорение, не только слова. Петербург решил обновить памятники Ломоносову. А в Обнинске, Ижевске, Ростове-на-Дону, Сочи — их открыли. В Самаре запланировано целых два, весной. А в Красноярске собирались, но так и не нашли места. А ведь это мог бы быть первый памятник Ломоносову за Уралом. Так вот и запомнится юбилей не поставленным памятником, который готов.

В Петрозаводске посадили Ломоносовскую аллею. И в Северодвинске — её тезку составят 300 рябин, красиво. А на родине Ломоносова — в Архангельской области — придумали посадить две тысячи сосен так, чтобы читалось «Ломоносову — 300 лет» даже из космоса. Поморы довольны: и прославили своего земляка, и лес восстановили (а это большая проблема).

Вот сколько новой информации прибавится в нашем лексиконе к имени Ломоносов. Но главное то, что всю жизнь трудившийся ради отечественной науки Михайло Васильевич в свои триста лет заставил потрудиться и нас — почитать тексты его и о нём, поискать информацию, придумать, как отметить его юбилей и какие новые смыслы прирастить к его и так многозначительному имени.

ПРАВА И ПРАВО

Русские держатели знания

Когда мы говорим о человеке, об обществе — и поднимаемся на уровень больших обобщений, то в разговоре, тексте или лекции того и гляди замелькают имена Шпенглера и Тойнби, Макса Вебера и Ортега-и-Гассета, Тоффлера и Хабермаса. А где же наши мыслители, предлагающие свои концепции развития общества, свои прогнозы и теории? Об отечественных учёных и их идеях мы говорим с политологом, преподавателем СФУ Сергеем СТАКУТИСОМ.

— Буду говорить о той области, которую я изучаю. Если брать геополитику, действительно, создаётся впечатление, что в ней существуют только идеи хартленда, т.е. сердцевинной земли МАККИНДЕНА, концепция морской силы СПАЙК-МЕНА, теория пессимизма, т.е. использования человеком «дремлющей энергии» природы для БЛАША... И над всем этим витает БЖЕЗИНСКИЙ со своей «Великой шахматной доской». Периодически реанимируются идеи создания Великого Турана под эгидой Турции, Великой Финляндии, Великой Албании...

— А как же Россия?
— В нашей стране давно существовали и существуют оригинальные концепции, анализировавшие историческую миссию России в геополитическом аспекте. Возможно, они не получили мировой известности как раз поэтому — потому что отечественных учёных интересовала в первую очередь именно Россия и её судьба.

Русская школа геополитики развивалась в нескольких направлениях.

Во-первых, панславизм, имевший своим политическим истоком осознание южными и западными славянами необходимости союза с Россией для завоевания своей независимости. Во-вторых, русская географическая наука, которой не была безразлична судьба империи. В-третьих, российский большевизм. В-четвертых, евразийцы, настаивавшие на уникальности России как по отношению к Европе, так и по отношению к Азии.

Кстати, недавно, высшее руководство страны выступило с идеей создания так называемого Евразийского союза, т.е. с достаточно известной российской геополитической концепцией.

— Про панславизм мы, наверно, сегодня говорить не будем, про большевиков — тоже. А есть современные концепции и имена?

— Есть, например, такая русская националистическая геополитическая школа. Наиболее яркий её представитель — В. АК-СЮЧИЦ. Идеи школы носят преимущественно изоляционистский характер. Геополитический союз с тюрками и мусульманами в её контексте считается опасным для русского народа, потому что приведёт к его растворению в евразийском «котле». Последователи этой школы говорят о необходимости создания русского национального государства, восстановления славянского геополитического пространства времён Киевской Руси, ухода России с Кавказа и Центральной Азии, национального возрождения. Евразийцы и коммунисты для них — антинациональные силы, разрушающие русскую идентичность.

Представляют интерес взгляды С. ХАТУНЦЕВА и В. ЦЫМ-БУРСКОГО, которые определили выбранную ими область исследования как «цивилизационную геополитику».

— Это Цымбурский предложил красивый образ «Остров Россия»?

— Да. А ещё идею Великого лимитрофа, включающего суверенные государства, которые окаймляют Россию по всему периметру её сухопутных границ и отделяют от всех евро-азиатских цивилизационных ареалов.

В отличие от «евразийцев» они считают, что Россия — разрушительница Евразии, а Великий лимитроф (лимитроф — от слова «пограничный») — это всё, что от Евразии осталось. В отношении лимитрофных государств Россия должна проводить политику, основанную на «прагматизме выгоды», а не на «интернационализме бескорыстия». Поэтому Великий лимитроф — это сфера жизненных геополитических интересов России.

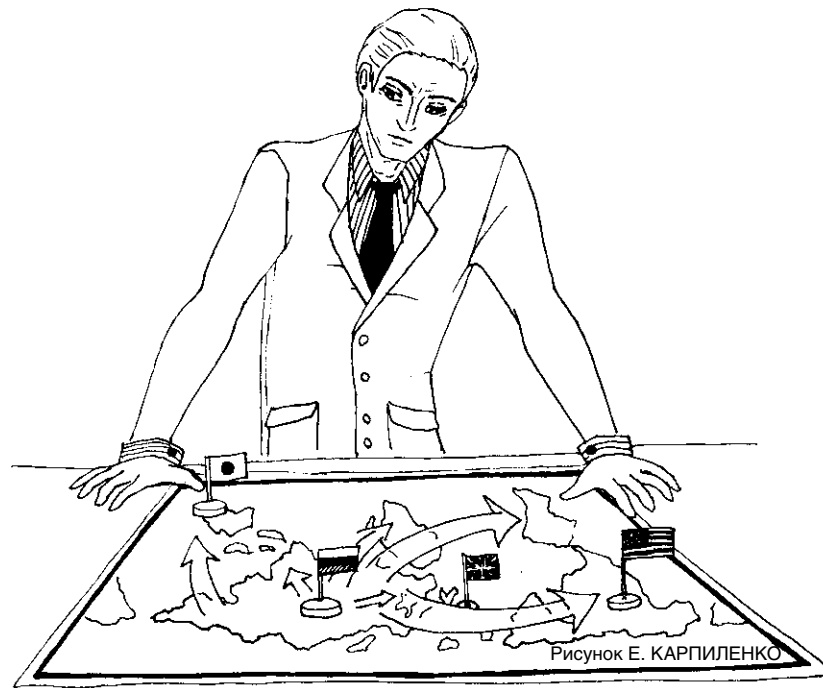
Именно на пространствах лимитрофа должна проявиться зарождающаяся сегодня борьба между двумя тенденциями развития мира — к однополярности или к многополярности, что и составляет главное содержание мировой истории в ближайшее пятидесятилетие.

— Речь идёт именно о многополярной или о биполярной модели?

— Известный российский политик Л.Г. ИВАШОВ отмечает, что биполярный мир оказался довольно устойчивым, хотя крах СССР его взорвал и обеспечил

США статус мирового лидера. Но надежды Америки удержать мировую гегемонию нереальны вследствие недостаточности их ресурсов, закат американизированной цивилизации уже начался. Будущее мировой системы заключается в возврате к более устойчивой биполярности. При этом место второго полюса силы всё увереннее занимает Китай.

— Что биполярность — самая стабильная модель, кажется, понял уже и сам Запад...

— Современный мир — это «мир устойчивой нестабильности или стабильной неустойчивости». Его наиболее явственным геополитическим разломом станет разлом между богатыми и бедными странами.

Идею возвращения современного мира к биполярному состоянию поддерживает и А.И. УТКИН. Он выдвигает следующие пять вариантов:

>> Объединение Западной Европы с Россией в противовес США;

>> Союз Китая и Японии как противостоящего полюса Американо-Европейскому союзу;

>> Сближение России и Китая в противостоянии США;

>> Союз Западной Европы с Китаем;

>> Сближение Западной Европы и Японии.

Исходя из противостояний цивилизаций в XXI веке, этот учёный считает, что следует ожидать самых опасных конфликтов: в России — между православием и исламом, в Индии — между индуизмом и исламом, а также между индийской и китайской цивилизациями. Но самым значительным будет противостояние западной и исламской цивилизаций, причём латиноамериканская и афри-

канская сближаются с западной, а японская — с китайской. Хотя в дальнейшем возможна коалиция цивилизаций: западная, восточноевропейская и индийская — против китайской, японской и исламской.

— То есть Россия ради самосохранения должна сблизиться с какой-то цивилизацией?

— К. СОРОКИН определяет Россию как «трансрегиональную державу», поскольку её государственные интересы носят

переход от оценки главным образом соотношения политических и военных сил государств к исследованию их взаимозависимости в геополитике быстро расширяется. Помимо старых понятий (сферы влияния, баланс сил, страны-сателлиты, буферная зона, маргинальный пояс) теперь используются такие, как динамическое равновесие, равновесие интересов, интеграция-дизинтеграция и др.

Геополитика взаимодействия не делает акцент исключительно на различиях и конфликтах территорий. Много говорится о необходимости культурологических и иных подходов. Изучаются новые субъекты политической деятельности: транснациональный бизнес, неправительственные международные организации, политические движения народов, не имеющих государственности. Находится зависимость между геополитическими факторами и проявлениями социально-экономических, экологических кризисов, особенно в странах мировой «периферии». Актуализируются проблемы территориально-государственного размежевания (в частности, в связи с разграничением акваторий Мирового океана и Антарктиды). Разрабатываются геополитические сценарии будущего.

— А вам какой сценарий ближе всего?

— Самая стабильная модель — биполярный мир. Многополярный был в истории два раза — перед Первой и Второй мировыми войнами. Но потом всё равно произошла поляризация: Антанта — Тройственный союз, Антигитлеровская коалиция — и фашизм. Как мне представляется, в классический период холодной войны мир был наиболее стабилен. Было два «хозяина», они и определяли правила игры. Остальные были вынуждены подчиняться. А когда произошёл развал Советского Союза, количество локальных войн выросло в разы. Начался новый передел мира.

— Так теперь мы будем вынуждены подчиняться!

— Кому?

— Или Китаю, или Америке.

— А кто может сказать, что будет с Америкой, допустим, через 50 лет? Я полагаю, что одним из центров мировой политики всё равно будет Россия. Известная формула английского геополитика Маккиндера: кто владеет хартлендом — тот владеет миром. А Россия — и есть держательница этой сердцевинной земли.

Анна МЕРЗЛЯКОВА

Не бытовое понимание детских лагерей

Есть такое выражение: «Готовь сани летом, а телегу — зимой». Именно исходя из этого совета накануне Нового года мы решили обратиться к теме... летних детских лагерей. Примечательно, что инициаторами разговора стали студенты Института педагогики, психологии и социологии СФУ, которые регулярно проходят в летних лагерях практику. И сталкиваются с тем, что осуществить там свою программу — образовательную, развивающую — крайне сложно. А вот почему — об этом рассуждает Павел ГЛУХОВ, студент 4-го курса специальности «Социальная педагогика». Два года он работал в команде, проектирующей концепцию детского дополнительного образования «Я — профессионал» и разрабатывал программу по подготовке тьюторов «Ступень к успеху».

«**Н**аверняка, у многих из нас понятие «пионерский лагерь» связано с бурными положительными эмоциями детства, с чудесными событиями, с приобретёнными друзьями, приключениями и, самое важное, со свободой. Так называемая свобода, предоставляемая местом под названием лагерь, действительно ценится детьми: нет родителей, фактически весь день ты предоставлен сам себе, и можно осуществлять «целую кучу» проб всего, что в голову взбредёт. На самом деле свобода в лагере — это глубокая иллюзия.

Лагерь по сути своей — режимное учреждение (именно поэтому лагерями мы в том числе называем места тюремных заключений). Если тебе говорят, когда ты должен кушать, вставать и засыпать — это уже не свобода. Тем более, что фактически тебе приказывают, а за невыполнение — наказывают, принимают меры. Я не стану утверждать, что режим — это хорошо, режим — это хорошо. Он действительно помогает поддерживать нормальное функционирование структуры, он помогает приспособляться к ритмам жизни.

Плохо то, что режим тотален и его нельзя нарушить. Режим в большинстве случаев — основополагающая задача лагерей, под него всегда необходимо подстраиваться.

Если обращаться к примерам, то мы столкнулись с нехваткой времени на обсуждения, дискуссии, попытки создать текст. У детей есть желание разворачивать свои ответы, но на это требуется время, а режим время ограничивает, и дети с так и не сформулированными тезисами расходятся по корпусам... Для нашей работы это тупик: мы всё фиксируем, мысль, казалось бы, не теряем, но так называемый эмоциональный фон режимом прерывается. Страсти обсуждения приходиться гасить, и возможность интенсивной работы во многих случаях устраняется.

Режим тотально задаёт и все мероприятия лагеря. Например, для наших образовательных занятий и волейбола возможно только одно и то же время. Потому что раньше сончас, а позже концерт. Стоите вы, напротив вас подросток, он не хочет пропускать сегодняшнюю дискуссию, ему есть что сказать и интересно узнать мнение ещё 12 детей. Но он вынужден уйти играть за отряд, так как, пропустив во-

лейбол, он подставит команду. И такие случаи — не редкость, а они нарушают логику всей образовательной программы. Полина ЛЕЙБЦЕХ, тьютор: «Примечательно было то, что различные концерты и репетиции номеров развлекательных мероприятий стояли на первом месте. Например, дети из моего отряда хотели идти на занятия с тьюторами, они там эксперимент ставить должны были, но им запретили, потому что — репетиция. Обида читалась на лицах детей».

Ещё о запретах. Строго запрещён выход за территорию, существует список запрещённых продуктов, предлагается единое меню, никто ничего не выбирает. В общем, ограничений много, хотя их можно использовать и в своих целях (например, помочь формированию у детей понятий об истинной свободе и вседозволенности...). Данные факты ставят под сомнение форму, но пока не содержание.

Содержанию жизни в лагере во многих случаях мешает администрация. Руководители смен боятся отказаться от тех правил, которые господствуют на протяжении долгих лет: ведь они работают, и менять их — это риск. Некоторые лагеря позиционируют себя как образовательные, но не соответствуют этому названию. Как это противоречие выглядит на практике?

Например, вы — молодой психолог и полны идей, которые сделают детей более успешными, более социально умельми. Вы пишете свою программу, вам нужно место в лагере, чтобы программу разворачивать, вы находите образовательный лагерь, в котором руководство говорит: «Да, мы ставим задачу проводить работу, способствующую личностному росту наших детей, и ваша программа нам подходит». Вроде бы, всё отлично, но с началом работы «отлично» и заканчивается.

Во-первых, вам нельзя будет задерживать детей; если дети опоздают на ужин или на отбой — оплатитесь вы, и дети. Во-вторых, если у детей репетиция танца, то у танца — приоритет. В-третьих, если к вам ходит мало детей, вам скажут, что количество — это показатель качества. В-четвёртых, если у вашей деятельности с детьми нет видимого результата, вы столкнётесь с серьёзными претензиями администрации. При этом администрация со своей позиции права. И в таком случае вам придётся писать с детьми

тексты, рисовать на досках, снимать всё на камеру или фотографировать. Чтобы доказывать: работа велась!

Следующая проблема связана с педагогическим коллективом. Точнее — с отсутствием необходимости организоваться в коллектив с педагогическими задачами. Если мы говорим про вожатых — то это во многих случаях люди, приехавшие отдохнуть или веселиться. Их задача — организовать праздник, но не событие. Отдельный вопрос, что при этом празднуют. Но это требование администрации — проводить каждый день какое-то мероприятие, какой-то праздник, какой-то концерт. В общем, что-то на сцене. И это всегда первоочередная задача, выше всех образовательных. Вожатые любят праздники и не любят думать про образование — это мнение многих людей, попытавшихся организовать какие-либо образовательные процессы внутри наших типичных летних лагерей. Мало кто из вожатых пытается осмыслить свою деятельность в лагере, чтобы сделать её продуктивной.

С нашей точки зрения, самым объективным решением данных проблем будет организация равноправной площадки для коммуникации между исполнителями и администрацией. Предсезонная разработка всей смены, всего содержания смены, построение логики всей совместной практики. Принимать решения уже на смене, обсуждать вопросы режимов, концертов, спортивных мероприятий «в процессе» — это не конструктивно и не продуктивно.

Вообще, в наше время слова «проект» и «тьютор» стали просто модными, и под эти термины руководство разных летних лагерей старается подстроить смены. Делается всё, чтобы тьютор просто появился, а о специфических функциях и специфическом образовательном пространстве мало кто задумывается, да и времени слишком много эта перестройка занимает... Конечно, существуют лагеря, устройство которых позволяет реализовывать образование, причём это не значит, что там нет режима или «мероприятий»; просто там расставлены приоритеты, поставлены цели и есть люди. Отличительная черта таких лагерей заключается в том, что они изначально выстраивались как нечто образовательное. И администрация, и дети, и педагоги знают про то, чем они должны заниматься. Примерами могут послужить КЛШ, Школа практической философии и другие летние интенсивные школы. Там факт того, что дети летом будут учиться, не привязывается бантиком к основной программе, а регламентируется изначально.

Подведу итог. Если вы принимаете решение разворачивать образовательную практику в лагерях, которые обычно называют пионерскими, — проектируйте её. А когда проектируете — учитывайте все дефициты, которые могут проявиться: места, времени, кадров, понимания».

Говорят, что поэзия исчезает... Мы с этим не согласны. И в доказательство публикуем стихи бывшей студентки СФУ Д. ВЕРЯСОВОЙ. Два года назад Дарья поступила в Литературный институт (Москва). За свой поэтический сборник уже на первом курсе получила специальную стипендию института. Родными считает города Норильск (где родилась), Абакан (где формировалась), Красноярск (где искала себя на факультете социальной работы, а затем журфаке) и Питер (который просто нежно любит).

В одном мазке

Вечер мой, бесталанный мой,
Закаляй пути домой,
И, об стакан звеня,
Ты нарисуй меня
В самом убогом виде,
Двери размажь и вытри,
Чтоб не зайти, не выйти.

Белой кистью в одном мазке
Проведи меня по Москве,
Кляксами ставь огни.
Выше земли толкни —
Чтоб разлетелась гулом,
Чтоб на бульваре шумом
Тополь захолодуло...

КОЛЫБЕЛЬНАЯ
Спи, бездомная, спи, покамест
Дремлют звёзды за облаками.
Не страшись, что темней и тише —
Это ночь на прогулку вышла,
Это сны шелестят по крыше:
Шишел-мышел и третий лишний.

Спи беспомощно и натружено,
Заслонившись спиной мужниной.
Знать не знай о тоске нависшей
Что за сила под сердцем пышет,
Что за мука тебе возводится...
Спи, усталая Богородица.

Спи, к ладони щекой прикинув,
Чтобы долго под утро снились:
Взгляд на красное — земляника,
Взгляд на синее — ирис.

АПРЕЛЬ
2.
С ума сойти, но не понять,
Зачем, Апрель, ты на меня
Такой похожий?

Зачем так залихватски зол,
Зачем ты пахнешь бирюзой
И нервной дрожью?

Рассвет на всех углах трубит,
Как истины твои грубы
И непреложны.

Мне дышится едва ль на треть,
Мне снова не с кем умереть
В один и тот же...

3.
Я тебя жду, как большого добра,
Жду, как прерванная игра
Ждёт во дворе детей,
Жду, как пустая перчатка — руки,
Как артритные старики —
«Чтоб, наконец, теплей».

Так безотчётно расплаты ждут:
Бедный — денег, богат — нужду,
Шабаша — тишина.
Время колечками вверх, как дым.
Ждёт холодной воды кадык,
И забуддыгу — жена.

Как безмятежности до утра,
Как известий с рукой у рта,
Чтоб отвести беду.
Солнца мясистого, как хурма...

Чёртов апрель, не своди с ума!
Я и сама сойду.

Отцу
Мокнет декабрь под нелепым дождём. И лучше
Не признаваться, какая тоска. До кучи
Он просыпается ночью: тяжёл, всколочен...
Видишь, отец, твоя непутёвая дочка
Шмыгает носом и скоро дойдёт до ручки.

Как далеко Москва — на другой планете!
Видишь, отец, ей бы замуж, а после — дети,
Слышишь, встаёт среди ночи запить икоту.
Ты ей пошлешь рейтузы к Новому году,
Строго накажешь, чтоб не ходила раздетой —
Хоть не мороз, а того и гляди, продует.
Чтоб обязательно летом приехала в гости —
Малость отъесться, а то ведь кожа да кости.
Чтоб наконец прекращала маяться дурью!

Она говорит: будут деньги, тогда и можно,
И перестань галдычить одно и то же.
Вовсе не кожа да кости, а буквы да строчки!

Видишь, отец, ты когда-то придумал дочку.
Я на неё с каждым годом всё меньше похожа.

ТЕМА ДНЯ

Современные притчи

(Окончание. Начало на стр. 2)

Маски-шоу

Костюм Деда Мороза на Андрюхе еле сходил. Да, худеть не получалось, каких он только усилий не предпринимал. И в клиниках лежал, и кодировался, и отказывался от сахара, хлеба и картошки. Безобразное тело всё расплывалось, так что пришлось на него махнуть рукой. Андрюха накрашил себе щёки, нацепил бороду и отправился встречать праздник.

Всю неделю перед 31-м он дедморозил. Нет, не подрабатывал, наверное это можно назвать — волонтерствовал. Придумал себе развлечение ещё три года назад. Покупал сладости, набивал ими мешок и ходил по праздничным предновогодним улицам. Мамочек с детишками останавливал обязательно: — Это кого я вижу! Это кто сейчас прочтёт Дедушке стишок и получит от него конфету?

Видел, что дарит детям сказку, что молодые мамы перестают куда-то торопиться, и все они вместе словно становятся сообщниками. Это и было главным его адреналином.

Мог затормозить и молоденьких девушек. Те тут же начинали визжать от восторга, забрасывать глупыми вопросами — «Ой, а вы всех поздравляете? Ой, а можно я желание загадаю — вы исполните?», сами норовили вручить ему какой-нибудь сувенирчик. Парни тоже, бывало, останавливались: «О, Дед Мороз, пошли с нами! Выпить есть». Он и здесь мог разыграть мизансцену, пропеть своим знаменитым басом какое-нибудь напутствие, так что расставались всегда по-доброму.

Но сейчас Дед Мороз шёл в свою компанию, к старым друзьям, с которыми чувствовал себя менее всего уверенным — стеснялся своих 150 кг. Потому и хотел быть не толстым Андрюхой, а вроде как кем-то другим — праздничным персонажем лучше всего.

А его любили и ждали.
— О, Андрюха, наконец-то! Ха-ха, что в мешочке у дедушки?

— Здравствуйте, дети! Дед Мороз сейчас будет узнавать, как вы вели себя в прошлом году...

... Ангел ещё раз взглянул на свои записи. Люди всё-таки лучше, чем сами о себе думают.

P.S. Все истории основаны на подлинных фактах. Имена — изменены.

Кто такой художник?

Учат на «Бэнкси» в институтах, или без гениальности и везения нельзя попасть в тома по истории искусств? Чем занимается художник? Профессия это или неловко звучащее «самовыражение»? Сплошные вопросы, которые культурный человек не может не задавать. Ведь, несмотря на наличие в Красноярске целостной системы художественного образования (от художественной школы имени В.И. Сурикова до мастерских Академии художеств), нельзя не заметить всё чаще проникающие в медиа сообщения о выставках современного искусства с загадочными формулировками «видео-инсталляция», «аудиовизуальный перформанс» и не менее экстравагантными названиями работ.

Запутаться в многообразии предлагаемого и предлагающих несложно — как зрителю, так и молодому человеку, решающему жить с этого дня искусством и только для искусства.

За конкретизацией, систематизацией и просто советами я обратилась к специалистам.

Оксана БУДУЛАК, искусствовед Красноярского музейного центра, куратор молодежных программ, среди которых Арт-сессия и Летняя школа биеннале

М.: Оксана, чему учат молодых художников на специальных образовательных проектах и может ли прийти туда человек, не имеющий художественного образования? Важно ли оно в принципе при создании какой-то художественной среды?

О.Б.: Если говорить о тех проектах, в которых я работаю, то мы ориентируемся на любого творчески мыслящего человека. Есть у тебя художественное образование, нет его — если ты хочешь что-то делать, ты можешь придти и участвовать в любом формате. Современное искусство открыто любому креативно мыслящему человеку. Это сложное искусство для сложных людей, соответственно, нужно быть человеком своего времени. В этом и заключается специфическое отличие современного искусства от всего остального — оно оперирует актуальными тенденциями, философией и идеалами времени «здесь и сейчас». Соответственно, художник в современном искусстве — это человек, находящийся словно на острие ножа. Он снимает всё самое актуальное и выражает это именно актуальными средствами, а ими может быть всё что угодно: высказывание, перформанс, акция. Всё, что способно художественным образом донести мысль.

М.: А как насчёт идеалов красоты, эстетичности в современном искусстве, — об этом ведутся всё ещё ожесточённые, хотя и устоявшиеся споры.

О.: Да, говорят о вседозволенности современного искусства, когда ты можешь не уметь изобразить портрет кого-либо и при этом считаешься превосходным перформансистом (уже это звание признаёт в тебе какого-то некачественного художника с позиции классического художественного образования). Современное искусство поднимает этот вопрос — качества произведения. Насколько оно должно быть сделанным? Что должно быть качественным — концепция, идея, то, на чём основан весь ХХ век (это всё — концептуальное искусство)? Либо это ещё должно быть адекватно сделано? Что имеется в виду под материальной сделанностью? Физические характеристики — вещь не должна развалиться в твоих руках? Либо это вопрос эстетического характера? Здесь много различных мнений, и приверженцы старых культурных парадигм считают, что в первую очередь должно быть художественное образование, которое заложит эстетические и вкусовые основы, а с другой стороны, научит элементарным профессиональным навыкам. Другие, по большей части

философы-теоретики, считают образование неважным — ты можешь быть врачом или таможенником. Но если твоя идея актуальна и глубока, ты способен её выразить, и твоё художественное высказывание может конкурировать с прекрасно сделанной картиной, то почему бы не считать тебя художником.

М.: Сейчас художником именуют и того, кто танцует, и того, кто играет, совмещая музыку одновременно с видеопроектами. И в этом случае художественное высказывание проявляет множественные векторы демонстрации себя. Вопрос только в том, что такое высказывание несёт: преимущественно послание о своём «я», желание выделить себя среди многообразия разных точек зрения, или это всё-таки поиск некоего смысла?

О.: Всё современное искусство очень личностное, и та истина или знание о мире, которое транслирует художник, он транслирует только средствами субъективного видения.

М.: Получается, что каждый человек, обладая

набор знаний об авторе, о направлении, чтобы понять произведение?

О.: Современное искусство — для сложного человека, оно не для всех. Существует статистика, согласно которой только 3% способны оценивать современную культурную ситуацию в городе, на неё реагировать и её воспринять. Это говорит в первую очередь о том, что есть массовая культура, а есть то, что можно назвать авангардом, прогрессивной культурой. Функция массовой культуры — обслуживание интересов того или иного сообщества, и здесь речь не идёт о каких-либо открытиях. А современное искусство — это зона экспериментов, зона художественного открытия. И не зная некоторых философских тенденций нашего времени, не зная языка, традиций современного искусства, ориентироваться будет достаточно сложно. Если произведения живописи современного искусства сравнивать с живописью Возрождения, то сложно провести линию традиции. У современного ис-

объекты самого простого воздействия, которые буквально в лоб тебе о чём-то говорят. Их шокирующая составляющая подтверждает, что искусство хочет быть среди народа, влиться в толпу и разговаривать с ней, взаимодействовать. Волна акционизма и тактических медиа, которые апеллируют к острым проблемам, — это всегда социально ориентированное искусство, которое высказывается о политике, религии, идеологии, экономике.

Метод современного искусства максимально открыт для каждого человека. Отсутствие художественного образования — не барьер. Например, «Общество Радек» в какой-то момент стало делать смешные митинги: они выносили плакаты с необычной надписью (например, «В Москве кончилась рыба») на пешеходный переход, и когда загорался зелёный свет, возникал спонтанный митинг с кучей народа. Происходит встраивание в реальность, причём не живописной или графической техникой, а жестом.

много талантливых художников, у которых связь такая не выстраивается. Чем ближе человек к славе, тем ему проще, это определённая линия. Но главное в художнике — не быть назойливым.

М.: А в зрителе?

Е.: Нужно в школы ввести историю искусств как обязательный экзамен! Ведь половина людей по способу восприятия мира — гуманитарии.

М.: Но сейчас к этому относятся, как к необязательному, потому что гуманитарная сфера, область культуры и искусства — это область бесконечных разговоров.

Т.: Нам преподавали историю искусств, и мы проводили параллели с историей, философией, наукой, изобретениями. Ведь искусство действительно связано с мировоззрением, философией, религией — со всем.

Л.: К сожалению, не все понимают, что образование рождает человека. Если он пройдёт всю эту систему и её ступени (школа — училище — институт — мастерские академии) и потом начнёт свои поиски, то вот это умно. Это талантливо, когда человек откажется от своих знаний, сделает какой-то вывод, с ним произойдёт метаморфоза. Пикассо прошёл все стадии обучения, прежде чем стать Пикассо!

А сегодня хотят сделать художников из десятиклассников, по типу проектов «Стань звездой», но ничего из этого не получается, потому что такой «художник» пустой, в нём нет глубины.

Т.: И ум остаётся неразвитым. Должна быть какая-то насмотренность.

М.: Чтобы искать свой собственный язык, надо интегрировать насмотренность и практические умения.

Л.: А может надо просто мастером своего дела быть, без этих новомодных поисков! Я заметила — все сейчас заинтересовались реалистичным искусством. Идёт сложный процесс, и сложность связана с отсутствием образованности — от верхов до низов.

М.: А если взять Ван Гога или Пиромани... Они нигде не обучались.

Т., Е.: Есть три типа людей: одни видят, и у них начинает работать воображение, другие воображают и им видеть даже не надо, а третьи не имеют ни того, ни другого, и даже не интересуются тем, что происходит. А дело опять же в отсутствии образования, в испорченности. Именно отсюда родилась мысль о том, что художником может быть каждый. А именование художником нужно заслужить.

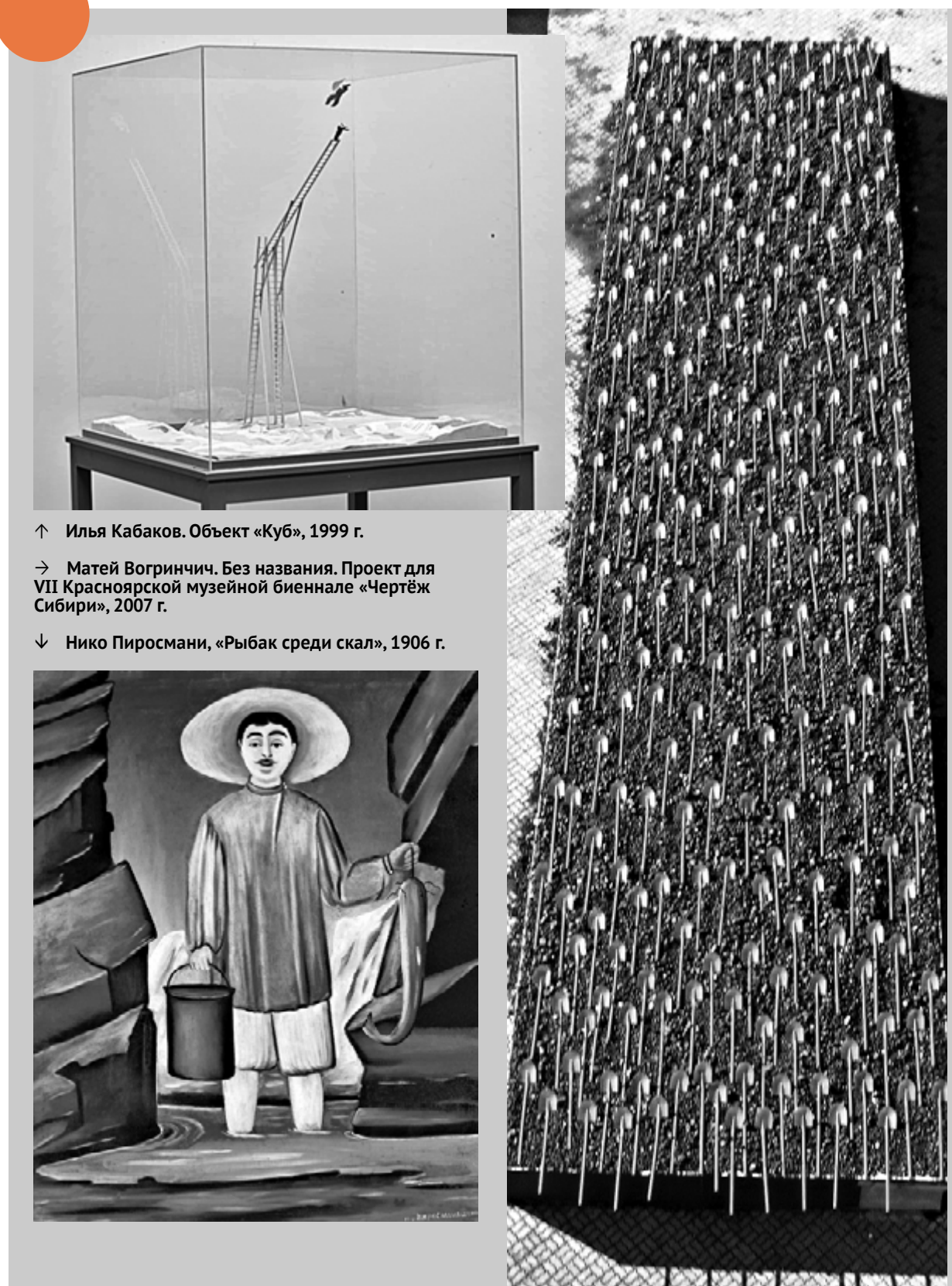
М.: Получается, что художник — это прежде всего работа, а работа прежде всего над собой?

Л.: Художник должен быть цельной натурой.

М.: Нужно ли знать что-то о художнике, чтобы понять произведение?

Л.: Нет, это должно считываться. Любить нужно! Любить своё дело, относиться к нему серьёзно и расти — вот те критерии, по которым в будущем можно будет назвать молодого человека художником.

Мария ИЛЬБЕЙКИНА

↑ Илья Кабаков. Объект «Куб», 1999 г.

→ Матей Вогринчич. Без названия. Проект для VII Красноярской музейной биеннале «Чертёж Сибири», 2007 г.

↓ Нико Пиромани, «Рыбак среди скал», 1906 г.

каким-то опытом — чувственным, личным — и стремись его выразить, может назвать себя художником? Есть ли критерии, по которым можно это определить? Или достаточно просто сказать «Я — художник», что, по сути, уже выделит тебя.

О.: Это, с одной стороны, акт представления, презентации, который был введён впервые ещё дадаистами. Это перформативное свойство явление, которое утверждает бытие некоей художественной единицы. Если человек говорит «Я художник», то он действительно берёт на себя смелость выступать в качестве автора. Но важен не просто сам факт этого позиционирования, а идея.

Если всё заканчивается на презентации, то ничем иным, кроме как провокацией, это не является. И в современном искусстве провокация часто используется. Если это разовая прихоть человека, он не будет художником. Но если один маленький перформанс складывается в целую цепь творчества, то контекстно это можно рассматривать как отдельное произведение.

М.: Мы говорим о субъективизме и ситуативности, даже о личностном психологическом опыте автора. А какая роль отводится зрителю? Нужен ему

искусства другая база — ХХ век. И без знания искусства ХХ века невозможно подойти и внятно считать смысл, хотя какую-то долю ты осилишь. Но есть и такое современное искусство, которое открыто любому человеку — тот же самый паблик-арт, искусство в пространстве городской среды, которое намеренно стремится и хочет быть близким к человеку, или стрит-арт, который, находясь на грани хулиганства, является самой эффективной и эффективной формой бытования современного искусства среди обычных людей — вспомнить хотя бы Бэнкси и его успех в Англии.

М.: Есть такое мнение, что искусство можно посмотреть только в музее — купить билет в Третьяковку и сходить за прекрасным, высоким и духовным. Но современное искусство показывает, что хорошее произведение искусства можно смотреть не только в музее, но и, например, на улице. Постепенно ты приучаешься видеть какие-то формы в бытовом пространстве, в пространстве повседневного.

О.: Объекты современного искусства во всех случаях взаимодействуют со зрителем. Но уровень их воздействия всегда разный — от ментального до физического, тактильного контакта. И больший успех имеют

Татьяна КУЗЬМИНА, скульптор, художник, член СХ России, председатель объединения молодых художников «Арт-старт»; Елена ЛИХАЦКАЯ, художник, член СХ России, куратор «Арт-старт»

М.: В последнее время бытует мысль о том, что художником быть совершенно несложно — может, даже проще, чем кем-то ещё.

Е.: Нет! Назвать человека художником — это дать ему понять, что он уже состоялся. Но на сегодняшний день художники, которые делают какие-то акции, — это шоумены по сути своей. Потому что хотят признания, славы... А ведь если брать историю искусства, то человек может всю жизнь работать, и его никто не будет знать. Он умер, прошло столетие, и его открыли. Время — оно диктует момент открытия. Сегодня не поняли, а завтра поняли. Или сегодня поняли, а завтра не поняли.

М.: А менеджмент? Ты можешь стать успешным современным художником, если у тебя есть пиар. Неужели современное искусство — это истинный пиар, где главным становится именно посредник?

Е. и Т.: Кому-то везёт, есть менеджер, и срастается. Но есть

Вниманию молодых художников

Центр современного искусства ВИНЗАВОД (Москва) запускает новое направление спецпроекта поддержки и продвижения молодого российского искусства СТАРТ — общероссийский интерактивный интернет-портал <http://projectstart.ru>. Здесь начинающие художники смогут найти всю информацию о СТАРТе, подать заявку на участие, выложить для оценки экспертов свои работы, узнать актуальную информацию о событиях из арт-среды.

КСТАТИ. 15 декабря в Центре современного искусства ВИНЗАВОД состоится открытие персональной выставки красноярских художниц А. ОМЕЛИК и Д. ВОРОБЬЕВОЙ. Анна и Дарья прошли отборочный тур проекта СТАРТ в рамках Красноярской биеннале современного искусства с проектом «ИМАНИ» (у эвенок это слово означает снег вокруг дома).

Подробности — в электронной версии газеты.